

ПИОНЕР
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСК ЖУРНАЛ
№ 14
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

НАШИ ИГРЫ

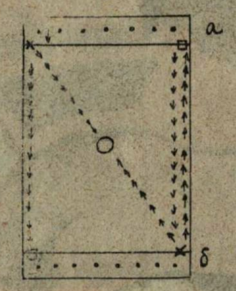
ПЕРЕБЕЖКА С МЯЧЕМ

Число играющих: от 10 до 40.

Место для игры: большая прямоугольная площадка, с резко очерченными границами. На расстоянии одного метра от границ по обоим концам проводятся коновые черты для двух партий. На середине площадки отмечается место для мяча.

Снаряд для игры: большой футбольный мяч.

Расположение игроков: все ребята делятся на две партии. Каждая партия располагается на коновой черте своего города и выбирает из своей среды предводителя и помощника, которые становятся на концах коновой черты своей партии в таком порядке, что напротив

предводителя одной стороны стоит помощник другой. Предводитель устанавливает очередь среди игроков своей партии.

Описание игры: по свистку руководителя из каждой партии сразу выбегает по игроку. В каждой партии соблюдается очередь, начиная с игрока, стоящего рядом с предводителем; они бегут вдоль правых боковых границ площадки, добегают до помощников противоположного лагеря, хлопают ему по ладони, бегут назад, хлопают по ладони своего предводителя и затем стремятся к середине, где лежит мяч. Тот игрок, который первый подбежит к мячу, хватает его и старается с места перебросить его через коновую черту города противного лагеря, а все игроки противной партии всем корпусом, руками и ногами отбивают мяч, не давая ему пройти в свой город. Если мяч прошел через коновую черту, то партия, бросившая мяч, выигрывает три очка, если же не прошел, то эта же партия выигрывает только одно очко. После броска оба игрока идут в свой город и становятся среди играющих. Снова по свистку руководителя выбегает вторая пара игроков, и игра продолжается таким же образом до тех пор, пока не переиграют все игроки. Предпоследними бегут помощники, — их кто-либо из игроков заменяет,—а последними предводители, их тоже на это время кто-нибудь заменяет. Выигрывает та партия, которая выиграла больше очков.

Правила игры

1. До свистка руководителя игроки не имеют права выйти за коновую черту, иначе они теряют право участвовать в игре.
2. Предводители и помощники стоят с вытянутыми руками и с мест не сходят.
3. Если оба игрока одновременно дотронулись до мяча, то игра считается вничью.
4. Бросать мяч через коновую черту противника можно только с места, где взят мяч.
5. Если мяч пролетел над коновой чертой выше поднятых рук, то выигрыш не считается.
6. Бросать мяч можно только один раз.

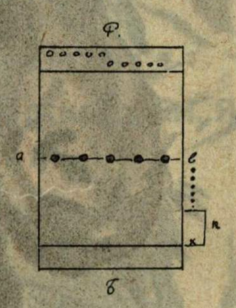
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Число играющих: 11 и более.

Место игры: большая прямоугольная площадка, на одном конце ее очерчивается место для города революционной страны, на другом—для города буржуазной страны. По середине площадки проводится пограничная черта обоих государств. У города буржуазной страны отмечается место для пленных и место для начальника стражи.

Размещение игроков. Из играющих выбирается начальник пограничной стражи буржуазной страны. Затем выделяются две группы по 5 человек для пограничной стражи; группы по очереди охраняют границу—ловят в плен перебегающих революционеров. Остальные игроки, разделившись на группы по 5 человек, идут в город революционной страны.

Описание игры. Из города революционной страны необходимо переправить революционную литературу в буржуазную страну. По свистку руководителя первая группа в пять человек стремится перейти через границу в буржуазный город. Пять человек пограничной стражи стараются поймать их и привести к начальнику стражи, который салит пойманных. Осаленные остаются пленниками. Игроки, не осаленные и прошедшие границу остаются в буржуазном городе до конца игры. После первой группы идет вторая группа, а также сменяется и пограничная стража новой группой, и так игра продолжается. Игра кончается, когда сыграли все группы революционеров. Победит партия революционеров, если больше половины игроков ее прошли через границу не осаленными.

Правила игры

1. Пограничная стража не может заходить за среднюю черту на поле революционной страны.
2. Если революционеры перешли среднюю черту, то назад не имеют права возвращаться, иначе идут в плен.
3. Революционеры имеют право вырываться от пограничников, пока их ведут к начальнику стражи. Когда начальник стражи осалит пойманного, то вырываться уже нельзя.
4. Начальник стражи не имеет права сходить с своего места.
5. Каждого революционера ведет в плен один пограничник.
6. Группы пограничников меняются после каждого пробега группы революционеров.

СОДЕРЖАНИЕ № 14.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Л. Теремякина.*

ОТВ. РЕДАКТОР *Х. ДОБИН.*

Главлит № 41447. 5-я тип. „Транспечати" НКПС „Пролетарское Слово", Южный пер., д. 4. Тираж 30.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 мес.—24 №-ра—5 руб. 60 коп.
„ 6 „ —12 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ — 6 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — 2 „ — „ 60 „

Адрес редакции и К-ры: Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия"

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

В „ПИОНЕРЕ" ОТДЕЛЫ:
„Советы вожатого", „Наша жизнь", „Наши старшие братья—комсомольцы", „Наши братья на Западе", „Изучай природу!", „Мастер на все руки", „Уголок октябрят", „Пионер в семье", „Пионеры в деревне", „Пионер-физкультурник", „Лагерная жизнь" и др.

Орган ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО Детской Коммунистической Организации им. В. И. ЛЕНИНА (при ЦК РЛКСМ) и НАРКОМПРОСА

№ 14 31 июля 1925 г.

„АВОСЬ" ДА „НЕБОСЬ", ПИОНЕР, БРОСЬ!

«Мы развернули общественную работу»,—пишет один пионер:—наше звено получило задание работать по связи с деревней, и на другой же день мы выехали в подшефную волость, провели там агитацию за пионеров, наладили работу деревенского отряда и на другой день вернулись домой.

Одно только скверно: когда мы приехали, нам негде было остановиться, и мы потеряли почти целый день, пока нашли ребят и комсомольцев. Было уже поздно, и мы только смогли переговорить с несколькими ребятами и с вожатым, а утром нам надо было уже ехать.

Но это ничего, пионер никогда не падает духом.

«В следующий раз как-нибудь наладим работу», — пишет пионер и «не падает духом».

А в деревне ребята ругаются, а взрослые крестьяне поддакивают: «Им хорошо, денег у них хватит. Ишь, прилетели: Что у вас плохо, и это не так, а как же все сделать, не показали. Некогда им. Спешить надо».

Много ли у нас таких пионеров. Много ли таких звеньев и отрядов?

Много, очень много еще.

Все надеятся на крепкий пионерский дух, все делают на «авось», «как-нибудь» да говорят еще, что «развернули общественную работу».

Был я недавно в одном отряде. Жалуются ребята, что все у них не клеится.

Начали они площадку организовывать, ребята сначала повалили на нее, а теперь почти не ходят. «Почему?»—спрашиваю.

«Да мы, как видно, неверно к ним подошли. Мы с ними беседу заводим, а они купаться бегут. Так, одно за одним и распалась у нас работа с ними».

—«А вы заранее разве не беседовали с ребятами в одиночку.

— «Да нет, мы были заняты организационной работой, да разве в этом дело?»

А в чем же?

Конечно, в этом.

Конечно в том, чтобы **заранее продумать, подготовить, составить план, расчитать свои силы и возможности учесть все, что есть на самом деле.**

Но есть еще пионеры, которые не хотят этого понять, рассчитывают на „то, что как-нибудь это все устроится, как-то будет проведено само собой без всякой подготовки.

Надо бороться с таким отношением к делу.

Пусть каждый пионер перед каждой работой задаст себе 3 вопроса и ответит на них:

1) Зачем я буду это делать, какова цель моей работы?

2) Что я буду делать? Как я ее подготовлю и проведу?

Без ответов на эти три вопроса нечего и приступать к работе? можно только на словах развертывать ее.

Сколько пионеров еще рассчитывают на «авось» да «небось»?

Пусть ребята напишут и выскажутся об этом.

Но мы заранее посоветуем: «Авось» да «небось», — пионер, брось.

В. Зорин.

Георгий Никифоров *Рис. худ. П. Малькова.*

НА ПУТИ

ПОВЕСТЬ

(Окончание).

11.

На улице—апрельский день купается в солнце, даже сюда в этот большой и суматошный город, роняет небо ласковую синеву.

Митька останавливается, спускает мешок на тумбу и подолгу смотрит, как стаи крикливых воробьев, раскрылившись и пританцовывая, гоняются в ветвях подстриженных деревьев: падают вниз и, кувыркаясь в пыли, орут как оглашенные хриплыми похмельно-весенними голосами.

Солнце лезет во все закоулки и переулки, тащит из-под камней пахучую траву. Улица затянута мягким прозрачно-сизым туманом тепла.

У Митьки такое чувство: влезть на самую высокую крышу дома и нырнуть головой во-он в то облако, что сочится над Ходынским полем.

Народу мало, окраина города, фабрично-заводская сторона, только по утрам и вечерами, и после гудка, заполняются улицы густыми толпами рабочих.

Митька вырос в этой стороне. Кругом торчат высокие трубы и черным языком густого дыма лижут светлое небо.

Тут все знакомо: и самый запах нагретой солнцем нефти, свеже-распиленного леса, угля и чего-то еще такого, сразу не поймешь—настраивает Митьку на особый лад, хочется ему уйти в весенний галдеж, приткнуться где-нибудь на солнечном пригреве и слушать...

Возвращается Митька кружным путем, задерживаясь около растянувшихся каменных стен заводов. Урчат и грохочут заводы железным нутром, для Митьки настоящая музыка.

Если ворота открыты, заглянет во двор, увидит торопливо бегающих людей и, подчиняясь необ'яснимому желанию, идет все ближе и ближе, чтобы разглядеть, как, захлебываясь горячим паром, работают машины.

— Эй, молодец, тебе кого тут?—окрикнул сторож.

— Я так, дяденька, я посмотреть.

— А пропуск есть?

— Нету пропуска,—смущается Митька, останавливаясь.

— Ну, дак без пропуску нельзя,—говорит сторож, закрывая ворота,—тут, которые работают только.

Митьке обидно, он с сожалением смотрит на широкие полотна закрытых ворот, и, медленно передвигая ноги, плетется к рынку. Встречает его давно надоевшая базарная толпа, безалаберная и лающая на разные голоса. В воротах рынка поют нищие слепцы. Задрав голову и уставившись незрячими глазами в солнце, они выводят на манер церковного пения, дребезжаще и жалостливо:

— «Свете тихий, славы твоея».

— Дорогие сестрицы! дорогие братцы! сожалейте безрукого!—вопит калека, пытаясь перекричать толпу и кувыркается прямо под ноги прохожих.

Рявкает звонкими в перебой голосами двухрядная гармонь, уличный певец, забросив голову за плечи, выпирая кадыком, сипло подвывает:

— Ма-а-я-я па-адружка вышла за-амуж.

Кружится, скачет, как на раскаленной сковороде горох, торговый люд.

Свалившись сверху, давит солнце рассыпанным золотым пеплом—не дает дышать.

Митька, выставив вперед плечо, продирается к лавке.

Демьян Фокеич в одной рубахе, с растрепанной бородой, мечется из стороны с сторону, отпуская товар. Его карие глаза прыгают и блестят, как два начищенных семишника [1]). Заметив Митьку, он злобно, не сдерживаясь, орет.

— Где тебя черти зашили? Разорваться мне одному здесь!

Степенность слезла с купца, как яичная скорлупа. Покупателей было много, все торопили и сердито фыркали.

В уголку лавки около кассы, сидит Валька, шестнадцатилетняя дочь Звякина. Она брызнула мелким смешком и хитро подмигнула Митьке.

— Что, попало?

— Не больно испугался,—бросил Митька, подвязывая фартук.

— А ты куда ходил? — допрашивала Валька...

Митьку зло разбирает. — На кудыкину гору!..

— Чего же сердишься?

Валька, обидчиво поджав губы, отвернулась.

До конца торгового дня Митька ошалело носился по лавке. Перед запором,

[1]) 2-копеечная монета.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕДИ РУДАКОВА.

(Окончание).

Стихи А. Жарова
Рисунки В. Сутеева

21.

Так, туда скорее,
Федя птицей реет.
А за ним—погоня:
Знамя отобрать.
Федя лихо мчится...
(Вот ведь, что приснится)
— Ах, хоть раз бы в жизни
Мне не опоздать!

когда народ схлынул и базарная площадь начала пустеть, дрожали от устали ноги, гудело в голове.

Идя домой, Звякин заходил в магазины, закупая вин и закусок, нагружая этим добром Митьку. Предстояла пирушка по случаю Валькиных именин.

Вечером Валька ходила расфуфыренная. Забегая на кухню, где Митька возился около самовара, кружилась каруселью, щеголяя новым платьем и весело тараторила.

— Посмотри, хорошее платье? Идет ко мне, правда? Это мне ко дню ангела сшили. Папа говорит, пятьдесят рублей стоит.

— Хы! день ангела,—бурчит Митька.—Ерунда твой день ангела!

— Кому ерунда, кому нет. Мне нравится. Ты не веришь в ангела?

Митька молча разглядывает живую разряженную куклу и, отвертываясь, цедит сквозь зубы с непередаваемым презрением.

— Эх, ты! а еще учишься, разговаривать с тобой неохота.

— И не говори, не очень-то надо. Валька передернула губу и с гордым видом уходя, заявила: мы тебе деньги платим и должен ты нас слушать...

Отчего это вдруг побежал к ногам холод? Около висков забегали узелки? Руки, державшие самоварную трубу, дернулись.

Поднял голову. Ушла Валька, не слышала его слов.

— Ладно, вались отсель, к чертям вас таких хороших!

С дребезгом покатилась в сторону труба.

Через прихожую, за двумя перегородками от кухни, зашипело, заверещало и закашляло сиплым собачьим кашлем. Заиграл граммофон. Сходились гости.

Первой пришла вдова Иконникова, Соломонида Викентьевна, старого закала купчиха, торговавшая рядом с Звякиным. Пришла с сыном восемнадцатилетним парнем, неуклюжим и вислоухим. Поддерживая под руку мать, парень все время шмыгал носом и ухмылялся, растянув рот в одну сторону. Его лицо с багрово-красными щеками раз'езжалось и дергалось, как будто бы он торопился что-то прожевать. Вытаращенные глаза были неподвижны, маленький, башмачком, нос толкался между щек и не находил места.

Сама Иконникова — никакого сходства с сыном,—щуплая и сухая. В своем темнозеленом, в мелких цветочках и разводах, шелковом платье, походила на засушенную ящерицу. Пахло от нее плесенью и квашеной капустой.

Следом за купчихой пришел с женой приходской поп Паисий, низкого роста, шарообразный, он часто семенил ногами, разбрасывая на ходу полы широкой шелковой рясы и выпирая круглым животом вперед, казалось нес перед собой туго набитый чемодан, отбросив весь корпус назад, соблюдая равновесие. Придерживая болтавшийся на длинной цепочке серебрянный крест, он войдя быстро закрестился в угол. Его лицо, белое и румяное, блестело и лоснилось.

22.

Но враги устали
И враги отстали...
До аэроплана
Добежав сквозь мглу,
В страхе видит Федя:
Самолет уж... едет...
Прицепился Федя
Вмиг к его крылу.

Под заунывные звуки вальса «На сопках Манчжурии» уселись за стол. Началось пиршество. Угощала всех мать именинницы—хозяйка дома—Фелицата Нестеровна, грузная, но еще довольно бойкая женщина.

Митьке ни отдыху, ни сроку: бегая из кухни в столовую, он едва успевал подносить и откупоривать бутылки.

Пили все, даже шестнадцатилетняя Валька.

Поп Паисий, выбрасывая руку выше головы, говорил: «во благотворении» и опрокидывал в рот большие рюмки зеленоватой зубровки, торопливо работая челюстями, глотал огромные куски пирога, спешил, как человек, который боялся опоздать к поезду.

После двух бутылок выпитого вина, пяти кусков пирога с мясом, поп осоловел, густо отрыгнул и, утопив крест в тарелке клюквенного киселя, тяжело облокотился на стол, подперев голову рукой.

— Отец, отец!—орал через стол пьяный Звякин —ты чего же спишь-ли, што-ли? Не-ет, так не годится! Митька, подай освежительного.

Под конец, когда вино было полностью уничтожено и хлопали пивные бутылки, поп Паисий встал, и, покачиваясь, подобрав полы рясы, пустился плясать казачка под заведенный граммофон.

— Гул-ляй душа и эх-ха!—выкрикивал Демьян Фокеич, хлопая в ладоши. Не выдержал, разбросал

Под конец поп Паисий пустился плясать казачка.

руки в стороны и пошел рядом с попом в присядку. Тяжелое брюхо затряслось, купец поскользнулся в луже разлитого пива и всей тяжестью плюхнулся на пол.

12.

Первое мая—для Митьки Баврина особенно счастливый день. С утра ходил он в разноцветной толпе молодежи, пьяный отъ песен и музыки. А когда все двинулись под оглушающий марш на Красную площадь, присоединился к рабочей организации большого механического завода.

Лавина, сотни тысяч голов, под красными знаменами расклинила улицы города, вы бивая гулким топотом ног отчетливый шаг по горбатой спине мостовой.

Первый раз не знал куда сунуться, покуда не услышал знакомый звонкий голос:—Митька, Митька ходи сюда! Оглянулся. Прямо перед ним, под большим полотном огромного плаката с изображением мускулистой фигуры рабочего в зареве восходящего солнца, стоял Тимка Телегин.

— Ты как здесь?—удивился Митька, обрадованный неожиданной встречей.—Тогда, ведь, в деревне остался?

— Фю-ю,—присвистнул Тимка,—хватился, я давно оттуда.

— Ко мне не зашел, небось?

— Да я заходил сколько разов, только мать сказывала—ты в приказчиках теперь.

— А ты?

— Учусь с ними вот. Тимка кивком головы указал на ребят.

— На заводе?

— Ага! Тятька схлопотал, я слесарем буду,—похвастался Тимка.

Митька посмотрел на окружающую толпу ребят, стоящих в рядах, по его лицу забороздили морщинки он хотел что-то сказать, но ряды колыхнулись и быстро двинулись вверх мимо кремлевских стен.

Кто-то высоким и чистым голосом запел:

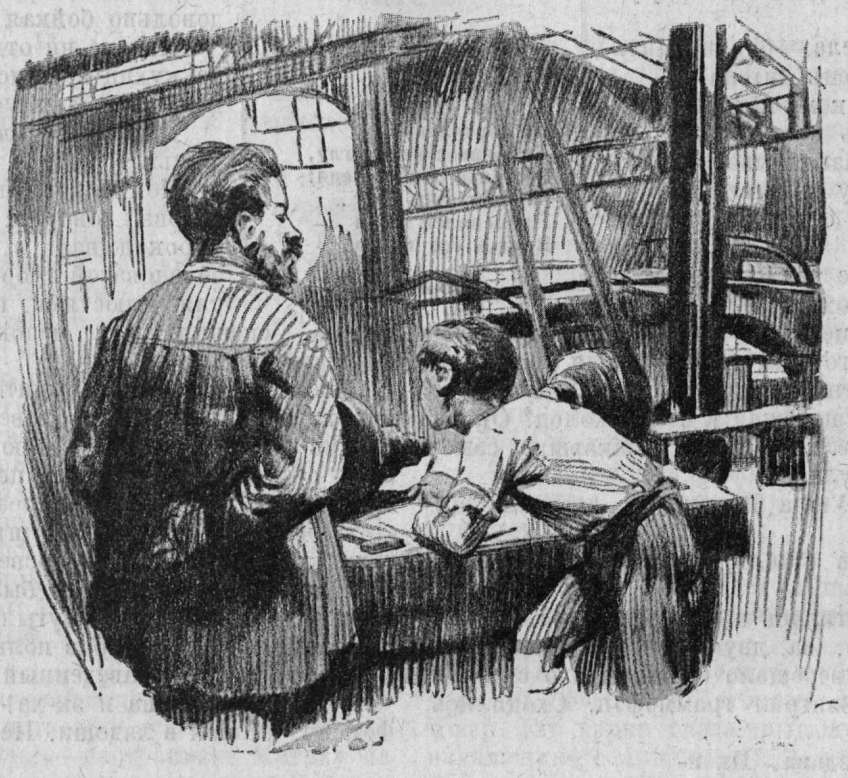
— «Дружно, товарищи, в но-огу».

Тимка подхватил Митьку под руку и уже находу, старательно выравниваясь с другими, сообщал:

— Пятый месяц учусь. Я теперь комсомол, у нас ячейка, тридцать пять человек, вот. И все учимся мы по цехам: столярный, слесарный и еще механический. Завод во какой: четыре корпуса, в два этажа, три с половиной тыщи работают. Первый раз, когда пришел, о обел даже, боялся в машину попаду. Трубы над заводом—закачаешься, высоченные! Смотришь—они на тебя валятся, честное комсомольское!..

Тимка хотел продолжать, перебила музыка. Два об'единенных духовых оркестра заиграли «Интернационал».

Ряды, извиваясь, проходили площадью, тысячи рук выбросили вверх: фуражки, кепи, шляпы и, покрывая все звуки, шарахнулось о древние поседевшие стены Кремля, всегда молодое и такое могучее подмывающее—ура.

Торопится Митька исправить написанное в стенгазету.

Шаркая по булыжнику, поднимая серую пыль, огибали высокие башни, спускаясь к набережной. Пошли вольготней, равнение в рядах соблюдалось плохо. Тимка вновь принялся рассказывать.

— Ты чего, тарарыка, завели тебя что-ли?—заметил идущий позади старый седоусый рабочий.—Всю дорогу бубнишь. Смотри, язык не вывихни.

Тимка обернулся:—Я так, Петрович, товарища встретил.

— Вижу, что так,—не за деньги,—усмехнулся Петрович.

— С какого завода, молодец?

— Он не заводской,—поспешил ответить Тимка за товарища.

— Учились вместе. Теперь торгует.

— Вот-те на! Буржуй, значит?

Тимка захохотал:—в точку, Петрович! Дома жрать нечего, мать белье стирает, вот его купцу и сбагрили.

— Я—мальчиком,—пояснил Митька. Покраснел и тут же решил: сбегу, ну ее к чорту барахолку эту с хозяином вместе.

Шедшие впереди знаменосцы свернули на чугунный мост. Петрович, видимо утомленный ходьбой, отделился и пошел в сторону бульвара.

— Токарь наш,—сообщил Тимка,—на арматурном работает. Мастер на весь завод, самый настоящий.

Митька слышал плохо, его одолевали свои мысли.—Мне бы к вам,—мечтательно проговорил он, поглядывая вслед Петровичу.

— Вот бы,—живо подхватил Тимка,—если попросить, а?

— Кого просить? Некому хлопотать за меня. Тимка поскреб за ухом, остановился, поковырял носком сапога в пыли, вывел вензель и решительно сказал:—Пойдем к Петровичу.

— Без толку,—усумнился Митька.

— Ничего без толку, возьмется дак уж... Мужик—копье, я знаю.

Митька согласился.

Петровича отыскали на бульваре. Сидя на скамье, он с видимым наслажденьем выставил лысину под солнце, и, посасывая трубку, пускал через усы тонкие струйки махорочного дыма. Кругом, под наблюдением матерей, расползлась детвора и, звонко талалакая на своем непонятном мелко-крошенном наречии деловито посапывая, ковырялась в песочных кучах.

— Вы что прилетели? Встретил Петрович ребят. Тимка сел рядом, обмахнул потное лицо кепкой.

— Митька, обсказывай!

Небольшая мудрость обсказать. И глаза у Петровича такие—выкупаться можно, оттуда огоньки приветливые, зовут они подойти, что-то в них знакомое и близкое.

Робко и нескладно, потом все бойчей и убедительней Митька начал говорить. Вспомнил отца, но это так давно, что в памяти удержалась только худая заморенная тень рабочего, за копотью и сажей не разобрать лица. Митьке тогда пять лет было. Он не спрашивал: отчего это однажды голосила мать и почему отец не приходил больше с завода никогда. Очень нужно, если в то время Митька захлебывался от удовольствия, отыскивая в мусорных кучах задворков диковинные вещи и с таким же удовольствием дрался вдребезги с товарищами при дележе этих штучек.

Пришло время и вот Митька огляделся сознательно и по настоящему, увидел—кругом красного кирпича стены заводов, принюхался к нефти, услышал тяжелое пыхтенье машин, звон молотков и пошел... Его прогнали—так не раз было—теперь он большой и хочет пойти опять туда, там товарищи, а у купца обидно и базар ему непривычный и чужой.

— Так, так, значить учиться хочешь?—тоненько посвистывая чубуком, спрашивал Петрович.—Тут, брат, заковыка, это в ячейку надо, как коллектив, опять же администрация.

— Ячейка если, она может,—уверенно заключил Тимка,—ты обладь, Петрович.

— Вот как я скажу,—об'явил, наконец, Петрович, поднимаясь и проводя ладонью по вспотевшей лысине.—Толковать тут нечего, в среду собрание будет, может и определим, потому теперь ход вам, время такое, дуй до горы, как говорится...

Слушает Митька. Сердце во всю барабанит, мысли одна за другой — вдруг поступлю. Эх! Звякина тогда к чертям, Вальке фигу с мигой, совсем хорошо будет.

Счастливый день первого мая, определенно! Даже Гоголь с верхушки памятника, прицелившись носом на ребят, силится разомкнуть бронзовый рот в веселую, весеннюю улыбку.

23.

Поднялись высоко.
Летчик зорким оком
Смотрит на Федюшу:
— Ба, да это те.
Летчик-то (не шутка)
Наш завхоз... Мишутка.
Федя от восторга
Спрыгнул с высоты.

24.

А Мишутка летчик,
Вот хорош молодчик...
Поднял крик такой,
Что уши затыкай.
Федя вниз несется,
Ну, а он смеется,
Да еще ругает:
— Эй, бутуз, вставай.

13.

Завод выполз на берег и стоит, как ни в чем не бывало, играя в свете утра мелкими переплетами оконных стекол. Митька работник по всей форме: блуза у ворота настежь, грудь на-вынос. Он идет через проходную будку в большой двор, заваленный обрезками ржавого железа, частями расклепанных паровых котлов, вагонетками и штабелями дымогарных труб. Задерживается на минуту около ворот мастерской, бегает глазами по стенной газете: «Стальной путь».

— Ага, напечатали!

Как-раз в самом центре: наковальня, у наковальни рабочий, а внизу:

«Вот рука, она в мозолях,
Жестко-грубая в узлах,
Создает, вторит и строит
Каждый взмах».

Каждый взмах... Рука описывает круг, улыбаясь, читает до конца. Подпись крупная и разгонистая: Дм. Баврин.

Ныряет в двери. Механическая мастерская огромна — целый час глазами плутать будешь, всего не оглядишь. В три линии токарные станки, в центре четыре лобовых, дальше за ними стоят, изогнув длинные чугунные шеи, сверлильные, тут же по сторонам около стен продольные строгальные и торопливые кургузые шеппинги [1]), по углам пристроились совсем незаметные фрезерные.

Утром, после первого гудка, сходятся рабочие; в мастерской тихо. В высокие окна заглянули солнечные лучи, они ощупью пробираются между обвисших ремней, лижут холодный чугун станин, тычатся в углы. Вся мастерская принимает праздничный веселый вид. Дежурные сторожа вымели сор и железные стружки.

Гулко шаркают каблуки сапог о серый, в масляных пятнах, асфальтовый пол.

Все молчит, в настороженной неподвижности, в открытые фортки вползает скомканный глухой шум города.

Тоненько пахнет керосином и невидной струйкой пара из машинного отделения.

До начала работ полчаса. Митька достает из шкафа горсточку концов, протирает все части самоточки, вертит ручки суппорта и каретки, смазывает водящий винт, пересматривает резцы, а в голове недавнее:

Охлопотал Петрович...

---

[1]) Поперечные строгальные станки.

25.

— Как вставай? Да что ты
Кличешь... с самолета...
Я не понимаю
В этом ни аза...
От толчка же в спину,
Если крепко двинуть,
Самый лучший соня
Разомкнет глаза.

После встречи через неделю прибежал Тимка возбужденный, запыхавшийся.

— Здравствуй, тетка Настя! Вот, говорил я: поступит и поступит. Беги за Митькой!

Настасья Егоровна схватила дырявый свой платок и забегала, засовалась.—Ты что, Тимоша, да неужто так?

— А то как?—Тимка крутнулся около стола волчком и хлопнул себя по лбу: Вот она, варит саганка [1]). Петрович прямо сказал:

— Я его себе к станку. Ячейка тоже:—принять. Протокол и шпонка! [2]).

Митька даже не сказался Звякину. Дома был, прежде чем успела вернуться мать. Схватил Тимку, так зажал голову товарища, что тот не устоял: хлопнулись оба на пол и расхохотались.

— Ловко, Митяй, а?

— Тим-дар-рам! тим-дар-рам!—надув щеки, запел Митька вместо ответа.

— Сегодня у тебя ночую,—заявил Тимка.—Завтра вместе, чтоб в семь по гудку, понял?

— По гудку...—Второй месяц ходит Митька под эту горластую музыку.

Он привык и огляделся. Знает, что—как, только минутная стрелка часов пробежит полкруга к восьми, рванет коротко широкая пасть гудка, и все, что сейчас притихло и кажется мертвым, оживет, двинется с визгом, грохотом и треском: ремни, свистя и щелкая, побегут бесконечной дорогой по блестящим шкивам. Острые резцы, завивая стружку, будут грызть ржавое тело железа, и на глазах Митьки из бесформенных кусков металла выйдут полированные части будущих машин, чтобы двигать и вертеть потом быстрые сильные станки.

Митька, закончив чистку, бежит взглядом по рядам станков. Ремни уходят высоко под потолок туда, где кронштейны крепкой хваткой подшипников держат валы трансмиссий.

Чувствует Митька, как в груди начинает расти и ширится подмывающая, какая-то особая, щекочущая рабость. Так было не раз, началось это с того времени, как поступил на завод. Крики гудков, движение машин, удары молота, брызги раскаленного железа. Все это пело в сердце, как торжественный хор и просилось наружу. И вот случилось. В тихий летний вечер, небо, сползая вниз, бесшумно падает на искорки золотистых звезд, оглядывая землю. Митька, притулившись у окна, записывает все, что накопилось за день, и не знает он, откуда идут слова, складываясь в песни.

[1]) Голова.
[2]) Шпонка—возвышенность, на которой укрепляется шкив, шестерня и проч.

26.

Федя тут проснулся,
Вздрогнул, протянулся,
Вскрикнул: Мишка, ты ли?
Правда... наш завхоз...
Ты без самолета.....
— Самолет мой, вот он,
Указал Мишутка
На продуктов воз.

И сейчас, опершись на станину, Митька торопится до начала работ исправить написанное за вечер, чтобы отнести потом в стенгазету.

Он увлекается, напевает, отбивая ногой такт:

«Лес высоких труб фабричных,
Звон веселый молотков,
Миллионы рук привычных
Выбивают: Будь готов—Всегда готов».

Позади стоит пришедший Петрович. По обыкновению, посасывая короткую трубочку, он долго смотрит через плечо ученика. Трубка переползает в левый угол рта.

— Молодец, складно пишешь. Где это ты навострился?

— Я сам.

Петрович удивленно дергает бровью:—Гвоздь парень!

— Ну, ладно, дописывай, друг, сейчас ходу пароходу, шток выверять будем. Видишь, сколько работы подналерло.

Петрович приходит всегда аккуратно, по его приходу часы выверять можно.

Митька оторвался, сунул бумагу в нагрудный карман блузы и тут же, отдаваясь звоном с стеклах оконных рам, рявкнул гудок. Вжжзнннь—запел мотор.

Дрогнуло внутри каменных стен завода, и побежали, сплетаясь приводные ремни.

Старый токарь Петрович говорит мало, он молча сутулится у станка и внимательно смотрит, как острое жало резца, убегая справа налево, оставляет за собой мелкие блестящие риски. Вал, поставленный в центрах, делает не больше тридцати оборотов в минуту, каретка движется совсем незаметно для глаз, шестерни перебора, укладываясь в разрезы зубьев, хлопотливо переговариваются: грр-брр, грр-брр....

Грохот, свист ремней, крики рабочих—все это привычно для слуха, как тягучая однообразная песнь, и совсем не тревожат Петровича. Опершись на суппорт, он кажется дремлет, и только рука, промеряющая кронциркулем толщину вала, дает знать, что опытный мастер следит за ходом станка, но усталость уже виснет на старых плечах и сгибает широкую спину...

14.

Митьке шестнадцатый, комсомолец-активист—куда надо. это ему кричат:—

— Митька, сегодня редколлегия.

— Митька, в культкомиссию.

— Митька, как со спектаклем?

В семь с половиной утра у станка, вечером наскоро пожует, глотнет стакан чаю и в клуб до двенадцати.

В работе лето птицей из клетки выскочило, поплакала осень в печали голой, а к концу ноября по пушистым сугробам скакал молодой, в синих алмазах, мороз. В январе Митька получал оклад по шестому разряду. Вспомнил давнишнее свое обещание и в жалование принес матери настоящие опойковые башмаки. Сделал важное

лицо и как тогда, полтора года назад, расшаркался, брякнув о стол покупкой.

— Позвольте приподнести, Настасья Егоровна!

По выцветшему худому лицу женщины пробежала улыбка.

— Мне? Ах, ты! да как же?.. Да уж больно хорошие, куда мне.

— Ничего, мать, ты у меня тоже хорошая.

Митька притянул седеющую голову матери и, улыбаясь, потрепал по плечу.

— Давай-ка обнову вспрыснем, где у тебя чайник? Мы сейчас изобразим.

Митька, весело посвистывая, разложил купленные закуски и, подмигнув матери, добавил:

— Вот, ведь, как наши! А это билет тебе в клуб, на спектакль. Я стихи читать буду.....

Вечером шли: Настасья Егоровна, поскрипывая новыми башмаками, торопилась позади и что-то шептала, улыбаясь, поглядывая на крепкую фигуру шагавшего впереди сына...

В свете ярких огней лубной сцены, Митька, после спектакля читал стихи:

В новой синей блузе с высоко поднятой головой, он, казалось, не видел перед собой зрителей. Слова отчетливо и звонко летели в зал.

Шагай вперед, навстречу жизни новой!
Не бойся трудностей, преграды разрушай.
Закалены товарищи в борьбе суровой
Еще не пройден путь. Шагай!

. . . .

На другой день пел знакомую песню мотор, за стеной глухо охала машина. Петрович говорил:

— Работай, брат, теперь ты на пути. Я отойду, износился, довольно с меня, Станок тебе уступаю, тридцать лет работал на нем.

Старик улыбается одновременно молчаливому станку и Митьке. Ладонью широкой и шершавой хлопает по чугунной блестящей станине, дым трубки вплетается в струю солнца. В передаточных шестеренках станка прыгает и кричит стальная крепкая жизнь...

Иван Молчанов

Ильичата в деревне

Было так: Ильич со стенки щурился,
Маркс кивал кудрявой бородой.
За окном дугою желтой улица
Убегала за обрыв крутой.

За обрывом поле видно дальнее,
За обрывом—голубень реки.
Та изба звалась—Избой-читальнею,
А деревня—«Малые Борки».

Было так: чуть вечер, огородами
Прокрадется в улицы к «Боркам»,
Набивалась та изба народом—
Молодыми, стариками.

И в избе впервые Сенька Роганов
Из газет узнал про города,
И про то, как дальними дорогами
Громыхают поезда.

Не видал от роду Сенька города,
Не слыхал фабричного гудка.
... Месяца смеющаяся морда
Паренька задорила слегка.

«Слушай, Сень, за горками, закатами,
Там, где трубы рвутся в небеса,
Вот таких, как ты,—Ильичатами,
Пионерами зовет комса.

Есть у них книженки расчудесные,
И чудесный звонкий барабан.
Слышишь, песни мчатся перелесками
Там, где сизый стелется туман.

Вот оттуда, стукая сапожками,
В синей ленте реченьки-реки
Пионеры топают дорожкою
В «Малые Борки»...

Слушал Сенька: месяцевы речи,
Слушал и гостей желанных ждал...
... Впрочем, не от месяца, под вечер
Из газет об этом он узнал.

Октябренок читает.

На полянке трава зеленела,
Лопушилась в оврагах трава.
А в Борках — Карманьолой звенела
Городская братва.

Барабанщик, веселый Алешка
Деревушкою дробь рассыпал,
А рядком—по кудрявой дорожке
Сенька Роганов гордо шагал.

Много радости в Сенькиных глазках,
Льется радость в руках и в плечах...
Ух, как жжется багрянец повязки,
Как сияет значек Ильича.

Рассыпается ласковой дробью
Говорливый трескач-барабан.
Не гляди, старики, исподлобья—
Сенька радостью детскою пьян...

Две недели гостили ребята,
Две недели звенели леса.
Уезжая, оставили хатам
Молодые свои голоса.

Уходя, с деревенькой прощались,
как солдаты построившись в ряд...
А в Борках—Ильичата остались:
«Малоборкинский детский отряд».

Н. Богданов

ДЕЛО ПОЙДЕТ!

Рассказ

Скоро в лагере обжились. Решили смычку заводить крепче. Опрометчиво не поступать.

Первым делом, конечно, изучить и обследовать деревню, потом помочь чем можно—перенесть ли книги в библиотеки, украсить избу-читальню, вообще поработать.

В полной парадной форме, с блок-нотами и карандашами перевез Глебыч звено «Летчик» в село. Звену план дан—обследовать и записать быт деревни, нового кулака, середняка, бедняка. Почему, как, отчего, урожай, орудия труда, все-все.

«Старый барабанщик,
Старый барабанщик,
Старый барабанщик крепко спал.
Вруг проснулся,
Перевернулся,
Октябренком сразу стал».

Выговаривал барабан по селу, и, пока мы удивляемся чудесному превращению барабанщика в октябренка, звено завернуло к новой хате с петухами и резным крыльцом.

Хата Петра Тимофеевича Тимофеева.

— Вам хозяина?—высунулась из окна бабенка.

— Да, нам бы хозяина.

Щеколда сенц щелкнула и, грузно ступая по ступеням, вышел хозяин Бык-быком. Покосился — будто рогом боднуть прицелился.

— Чем можем служить?

— Мы вот, товарищ, хотели крестьянское хозяйство обследовать, мы из города, интересуемся, как вы живете, обрабатываете землю, мы запишем, поедем в Москву, расскажем...

Дунька, пинжак подай! гаркнул внимательно слушавший речь Симки хозяин.

... Вот мы расскажем, смычка будет крепче... Продолжает Симка, а сама думает, зачем ему пиджак. Пиджак был подан. Хозяин порылся в карманах.

— Извольте-с, протянул он синий какой-то лист.

— Это что—удивилась звеновая.

— Все в порядке-с, до пудика.

— То-есть как.—Совсем сбилась с толку Симка.

— Очень-с просто, квитанция, налог внесен и никакого не имеете права подступиться—декрет, безобразиев не допущать!

— Вы, вы, гражданин, не поняли... мы не за налогом, мы, так сказать, обследовать...

— Обследовать, ваш мандат!..—рявкнул детина.—Нынче строго, обыски без бумаги не допущать, притом же без председателя сельсовета...

— Да мы не обследовать... то-есть не обыск...

— Не могим допустить, пожалуйте мимо!

Дверь хлопнула.

Ф-фу! Кулачина, образина, тупоголовая!—потрясала возгласами Симка.

— Ведь, надо эдак, а?

— Надо, не надо, а тово... этово с носом...

— Ну, к середняку сходим, наука нам, не лезь к кулакам.

Перешли дорогу и прямо к обыкновенной хатенке.

Перед окном баба поила теленка, в окне ревел черноглазый парнишка, грызя собственный кулак.

«Старый барабанщик,
Старый барабанщик».

Снова заговорил барабан.

Мальчишка бросил реветь и грызть кулак и разинул широкий рот, желтый, как у галчонка,—измазанный в яйце, а баба отпустила ведро, теленок же букнул и разлил все свое пойло.

— Здравствуйте... Симка совсем не знала, как начать после первой неудачи.

— Здравствуйте,—подозрительно покосилась бабенка и оправила красную юбку.

... Мы вот из города... посмотреть ваше хозяйство хотим, живем мы рядом—вот за рекой... палатки у нас, ну, и живем... вот...

— Обождите, я хозяина кликну. Баба скрылась за избой и скоро извлекла откуда-то хозяина, босого молодого мужика, знакомого с бритвой, но незнакомого с гребенкой, на что указывало отсутствие бороды и всклокоченная репей-голова.

Внимательно выслушал он Симку.

— Хорошо покажем.

Заликовали ребячие сердца.

— Все показывай—как есть!

Ето вот соха, тыщу лет живет с Микулы Селяниновича и никаких нововведениев, пашешь не пашешь; комки только переваливаешь,—рассказывал мужик.

... Удовольствия, тебе, никакого... поглядел мужик и вздрогнул; записывают — ой беды бы не было... наврать надо!..

— Удовольствия, значит, никакого... урожая в абсолют нет.

— Как, совсем нет?

— В абсолют нет.

— Посеешь и ничего не соберешь?

— Во-во точно так, пиши так...

— Да зачем же тогда сеять-то?

— Да так полагается, мужик—значит сей как и прочие.

— Хм, а чем же вы живете?

— Да летом зелень—огурец, а зиму взаймы берем.

— Ну, а скотину как водите?...

27.

Ехал быстро, вихрем.
Вижу: кто-то дрыхнет.
Эй, вставай!—кричу я,
Пьяный что-ли, брат.
Разглядел:
Наш Федя...
Встретить рад „медведя“...
Ну, садись, поедем
Поскорей в отряд.

— Вот телка... только-только завел две недели.

— А коровы нет?... И лошади?

— Ни-ни, запиши нету.

— А это што?—указал Рубинчик на добродушную морду коровы, глядевшую из дыр у хлева.

— Ета, ета. Ета ни моя, как перед богом, ни моя...

— Врешь, брат, зачем же она к тебе в хлев-то зашла?

— Да хлев-то не мой, суседов хлев...

— А изба твоя?..

— Ни-ни-ни—изба тоже ни моя.

— Папань,—тянул рученки из окна карапуз.

— А сын-то в окне твой?

— Разе сын, да и то что от ево пользы, душевно говорю...

— Нет, так не годится, говори правильно, а то вот мы запишем...

Симка договорить не успела. Баба, до сего времени стоявшая, как истукан, подперев лицо рукой, вдруг кинулась ей под ноги...

— Не губите, родные... пожалейте, не описывайте, детималые, сами бедные.

— Тьфу—отплевывалась Симка уходя,—вот исто-рия...

— Попытаем к бедняку—этот больше будет сочувствовать.

Подошли к хате, да и не то чтоб хата, а так что-то: труба, соломы черной клок, а под ней бревушки, паклей слепленные.

— Вот это самый бедняк!

Стали торжественно и солидно перед дырой в хату, двери не было совсем.

Соблюдая правила приличия, Симка постучала, за неимением двери, в косяк.

Ответа не было.

После вторичного стука донеслись странные звуки:

— Мы... мыр... ма... и снова тихо.

Все звено, потеряв терпение, забарабанило по стенам хаты. Из дверей сперва пахнуло каким-то странным запахом—как пахнет от мокрой собаки, и за этим запахом вылезла, качнулась и уперлась в косяк лохматая фигура.

Это был человек.

Он протер землистой рукой глаза, они разлепились и мутно посмотрели на ребят.

— Товарищ, мы к вам...—залепетал кто-то.

— Что, опять? Обыск... за самогоном... стерва, я семь лет революции, десять ран, расстрелян и, не моги гнать, а Тимошке-брюхану разрешена!

...Побью! — заорал вдруг человек.

— Побью-ю!—заорал вдруг наливая кровью глаза и выворачивая с крыши орясину с доброе бревно...

... Опомнились ребята, кто где. Мишка несся как ветер по огородам и, залетев в крапиву, только почуял, что за ним никто не гонится. Клавдия, свалившись с берега в тинистую речку, увидела, что сумасшедшего с дубиной здесь нет и стала спасаться из тины. Барабанщик, спасая барабан, застрял на плетне и приготовился к смерти, шепча:

— Всегда готов, сейчас готов!..

Но ожидаемого удара орясины не было. Тогда барабанщик занялся сталкиванием себя с плетня.

По свистку вожатого звена собрались к вечеру исследователи у парома и стали исследовать: порванные костюмы, занозы, царапины, сломы и вывихи и вообще влияние такой смычки на звено.

Блок-ноты оказались потерянными и точных записей в отряд не принесли.

— Нн-да, сказал вожатый отряда.

— Мм-да... ответил совет отряда на доклад Симки о неудачном подходе к смычке и поскреб затылки свои бритые.

Пикор отряда с левой руки, правую ободрал, прячась в хворост в памятный тот момент, когда без слов мелькнуло—«спасайся кто может».

С левой руки пикор отряда исписывал второй лист, жалуясь в редакцию «Пионера» на бестолковых, даже злостных мужиков,—только увлекся и вместо описания бегства звена написал, что бежали му-

28.

У костра ребята
На траве примятой.
Федя сон чудесный
Ловко рассказал...
— Эй, ребята, Федю
Бросьте звать „медведем".
Федя у фашистов
Знамя отобрал.

29.

— Это, Федя, дело.
И вожатый хлопнул
По плечу Федюшку
И повалил в траву:
— Ты таким, вот смелым,
Ловким, расторопным
Будь не только в грезах,
Но и наяву.

Конец.

жики... «а пионеры со знаменами»... потом спохватился, перечеркнул и подписал:—А мне сдается, что наш вожатый Петька курит, да еще вот звено токарь... сперло у красных летчиков колышек от палатки, это ребята не дело!»

Совет отряда разошелся в бодром настроении. Каждому было дано—выдумать план смычки, к вечеру и явиться к лагерю на берег реки всем. Каждый вожатый звена думал по-своему. Шурка—вожатый «токарей» сел по-китайски, стукал, сгибал жестянки для самодельного фонаря и посвистывал. По временам вскакивал и что-то ворчал.

— Мастерская, через мастерскую... опять через мастерскую,—вот мой план, и он исчертил два листа блок-нота. После этого к вечеру сделан фонарь. Так продуктивно думал вожатый токарей.

Вожатый звена «смычка» залез на дерево и в бинокль разглядывал ту самую деревню, те самые Выселки, которые надо с бою, а взять.

И чудился ему непонятный и ненужный неприятель, который залег там у корявых плетней и не дает подружиться двум братьям—рабочему и мужику.

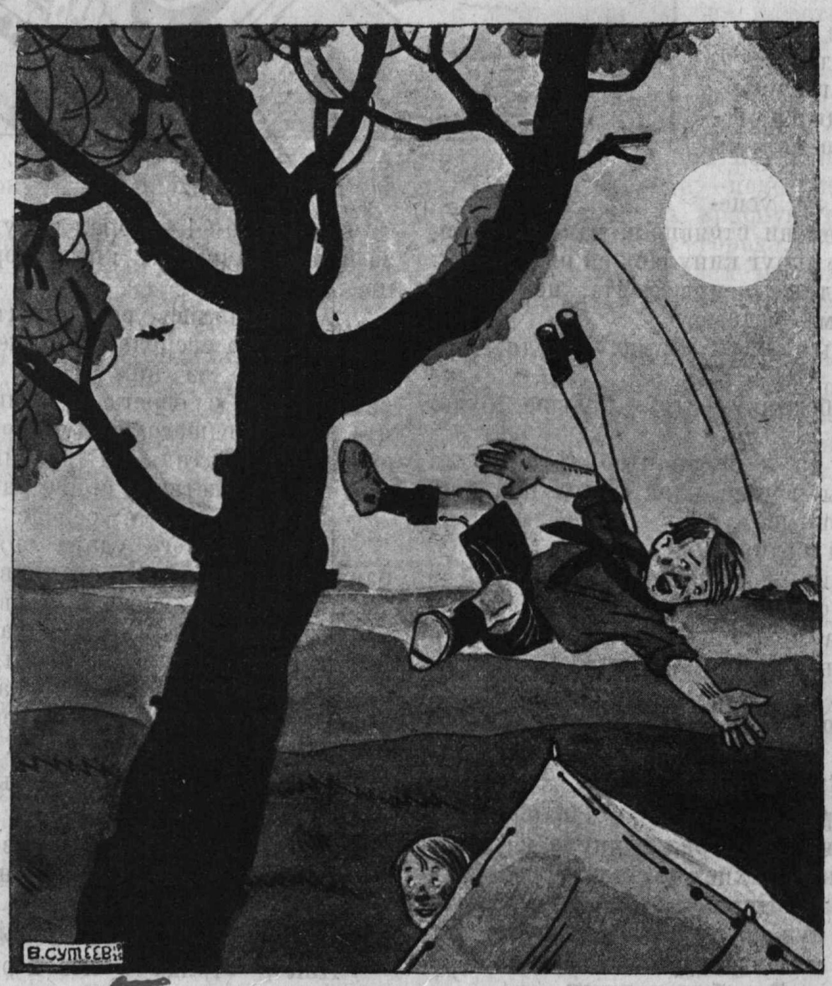
До самого вечера сидел Володька и вдруг ясно увидел: кольцом охватил Выселки какой-то туман, выполз он из оврага, не боясь еще не потонувшего в золоте хлебов солнца.

— Темнота враг, вот ее рассеять и смычка сама придет, придет, ах...

Володька позабыл, что он сидел на дереве и сверзился прямо на палатку.

Палатка махнула крыльями полотнищ и забилась птицей. В разные стороны лезли перепуганные ребята.

— Темнота, все темнота, вот план, вот, прыгал Володька.

Володька позабыл, что он сидел на дереве, и сверзился прямо на палатку.

Ребята, очухавшись, участливо предложили—«полить тебе, Володь, на голову водицы»?

Парень, не обращая внимания на такое участие, размахивая руками, маршировал к уговоренному месту.

Пришел,—думал первый, а застал всех в сборе. Ночь ласково и тихо прилегла на землю, небо казалось серым, волглым сеном, а в нем рассыпаны озорные светляки.

Река клубилась парным молоком и от нее и от того, что небо—сено было тепло.

В ветряной выбоине расселись—каждый молчал, сам про себя, берег план.

— Ну, начнем.—Вожатый вышел и сел посредине, поджав ноги калачом.

— Первой Симке, по записи!

— Вали, что надумала?!

Ребята, мой план вот... смотри, смотрите! не договорила она, выпрыгивая на бугор.

— Что это такое?!

Прямо на них, кружась в странной пляске, мчались огни по черному лугу, ближе, ближе. Вдруг у самой реки дрогнули, закружились на месте и, обгоняя их, донесся топот.

— Тьфу—это на лошадях, с факелами, а я тово... стой, махают нам!

В густой темноте метались совсем черные тени тово... стой, махают нам!

В густой темноте метались совсем черные тени лошадей и кто-то махал огнем, стараясь обратить внимание.

Вдруг этот один отделился, сделал круг—разбег до берега и на всем скаку вдоль обрыва гаркнул и каким-то неуловимым приемом пустил факел прямо на ребят. Огонь радугой перекинулся через реку, звучно шлепнулся и зашипел в траве.

Подбежали и увидели—на толстой проволоке увязанный комок пакли со смолой.

— Ишь-ты, целая ракета!—осторожно, точно дорогую игрушку, взяли и незнали, что с ней делать.

Кинь обратно. Петька, кинь!

— А где они?

Всадники с огнями пропали. Впереди была черная глухая равнина.

— Чудно, хм...?!

— Тут все не по-людски!

— А это что?—Шурка стаскивал с противоположного конца проволоки замотанную ниткой бумажку.

— Вот тут-то оно и послание... облегченно протянул он, развертывая бумаги. Повалили в палатку и зажгли тот самый самодельный фонарь.

— Ну, скорей, что там?

— Читай, не пропуская!

Шурка, по праву открывшего секрет, начал водить пальцем и выковыривать накореженные неподатливые слова.

«Дорогие вы наши товарищи, пионеры! От свого лица всех нас передаем, что очень мы на Вас обидемшись. Вы думаете, мы не знаем, а мы все знаем. У нас в школе пионерский час и мы законы—обычаи наизусть.

А Кузьма у нас, Грушин, очень даже пионерский строй знает и барабан.

И вы теперь здесь перед нами и никак у вас к нам нет. Только в нашей рвчке купаетесь, траву на берегу мнете, и мы гляди только, как вы утро, вечер флажок опущаете, поднимаете и «будь готов», а самого главного забыли!

А потому что нарвались ноиче, мы не виноваты!

А что, если действительно, то приходите в школу, хотя завтра».

— Подписей нет, переведя дух,—сказал Шурка и победоносно оглядел ребят.

— Правильно, молодцы, так нам и надо, хлопнул себя Петька по маковке.

— Да, ведь, это мой план, обрадованно визгнула Симка. Я сказать не успела, они подтвердили... Самое главное в моем плане—связаться с ребятами,через них, через школу, клуб, мало-по-малу и вся деревня к нам навстречу...

— Ну, затараторила... Это мой план. Я тоже такой придумал. Я на дерево залез; вижу—ребята лезут и сразу придумал,—доказывал Володька всем и самому себе, искренно веря, что оно иначе и быть не могло.

— Вроде этого—я,—протянул Шурка.—Только я привлечь ребят думал через мастерскую.

— Ну, ладно, план планом, а главное, завтра надо итти...

—Я со звеном!—выскочила Симка.

— Ну, нет, вы чересчур летчики,—намекнул Петька.—Лучше пойдем всем советом отряда. Так и решили. Ночь спали крепко и видели радужные сны.

А на опушке леса, до самого утра белесо мигал костер. И куча ребят вела серьезный спор.

Одни доказывали, что на бугре, в палатках не настоящие пионеры. Другие, наоборот, горячо защищали.

— А сами-то гожи. Ждем, когда нас за косы притянут. Нет, ты сам к ним пойди, а не в кулюкушки играй!

—Конечно, они аукают, а мы молчим. Чья-ж—вина-то? Мы!—заключил весь спор угловатый, квадратный парень и тряхнул крепко посаженной головой. Очевидно, слово его было авторитетно. Спор замолк, и было ясно, противники молча признали себя заспоренными.

Все закопошились, закрываясь одеждой от утреннего дрогуна. Костер тускнел и гас от седой росы. Кое-кто всхрапнул, другие поддержали, и сон переспорил всех.

Утро было яркое и теплое.

Деревня, как вымерла. Ласково щурились подслеповатые избенки, греясь на солнцепеке.

За ребятами лениво волочилась пыль.

Вон в конце села железная крыша.—Школа, а никак не дойдешь. Ноги заплетаются, размаривает от жары. Симка держится за ребятами и недоуменно озирается. Какая здесь тишина! Благодать, и странно вспоминать свист ветра в ушах, а сзади крик: «побью!» И казалось снова не благодать, а мертвечина сонными, мутными глазами глядела на беспокойных пришельцев и говорила:

— Троньте, троньте, пошевелите только!

Вдруг впереди что-то заметалось, зашумело, и из-за березок и лип, в своей зелени прятавших школу, высыпала клубком и накатила на пионеров разномастная толпа.

— Здорово, ребята!..—пробасил четырехугольный парень и неуклюже-смешно отдал салют. Симка хотела фыркнуть, но посмотрев на серьезное лицо парня, удержалась и привычно отсалютовала.

Вся толпа замахала руками, каждый изобретая свой салют.

— Айда в школу! Там прохладно,—потянул парень Петьку. Все вместе ввалились в просторный класс.

Ушли совсем к вечеру, провожаемые до реки всей толпой. А через неделю лагерь ожил. Вечерами у костра было тесно и весело от наплыва ребят. У Петьки бесед не хватало насытить их.

Днем маршировали, перемешавшись вместе — готовились к детскому празднику. Квадратный ходил крепкими ногами, выворачивая песок и, раздирая рот до ушей, в счастливой зубастой улыбке говорил...

— Дело пойдет!

Подмога

Шли в деревню на подмогу,
Устилала рожь дорогу
Золотым половиком.
Сердце прыгало легко,
Пели птицы над оврагом,
И широким красным флагом,
Их приветствовал закат.
Сон был крепок у ребят.

А на утро бодро, звонко,
Ветру легкому вдогонку,
Зов свой бросил барабан.
Таял утренний туман,
И когда пошли межою,
Солнце встало над землею.
Крепче стал исканный шаг,
Ярче пионеров флаг.

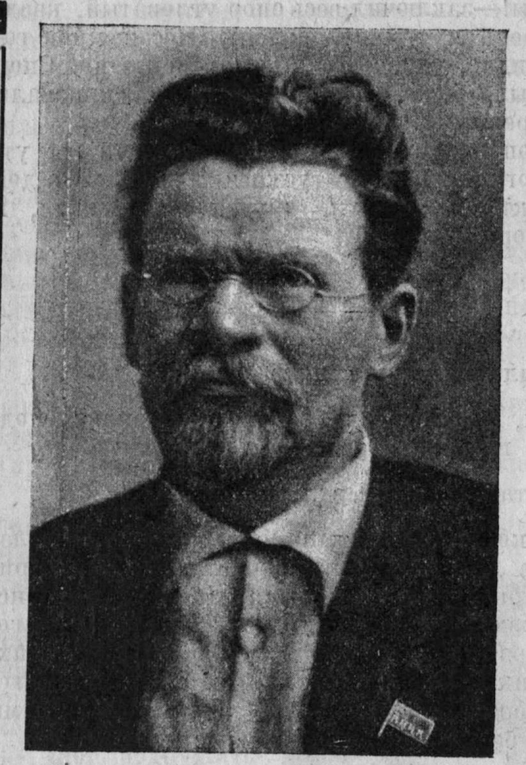
Подошел народ... спросил:
«Вы-то раньше не косили?
Разворчались старики:
Эта помочь—не с руки
Чуть качнулся хлеб несжатый»...
С председателем вожатый
Не спеша поговорил.
Воздух свежий, крепкий был...

Стихло стадо на откосе...
Эх, блеснули остро косы,
Звякнул стройный легкий звон!
Бей, трава, земле поклон!..
И пошли ряды ложиться.
Как тут старым не дивиться,
Как в затылке не чесать:
— Да... Отряд уж—как отряд!

Над. Ландская

ФОТО- АЗЕТА ПИОНЕРА № 14

НАШИ ВОЖДИ

Всесоюзный староста М. И. КАЛИНИН.

КАЛИНИН, Михаил Иванович, председатель ЦИК СССР, родился в 1875 г. в крестьянской семье. Шестнадцати лет Михаил Иванович уехал из деревни и поступил учеником на Патронный завод в Петербурге. Днем он работал, вечером посещал заводскую школу.

Через два года тов. КАЛИНИН поступает рабочим на Путиловский завод. Там он впервые столкнулся с революционной подпольной работай и в 1898 г. вступил в социал-демократическую партию. Вскоре его арестовали. После выхода из тюрьмы, где тов. КАЛИНИН сидел десять месяцев, он работает в Тифлисе и Ревеле.

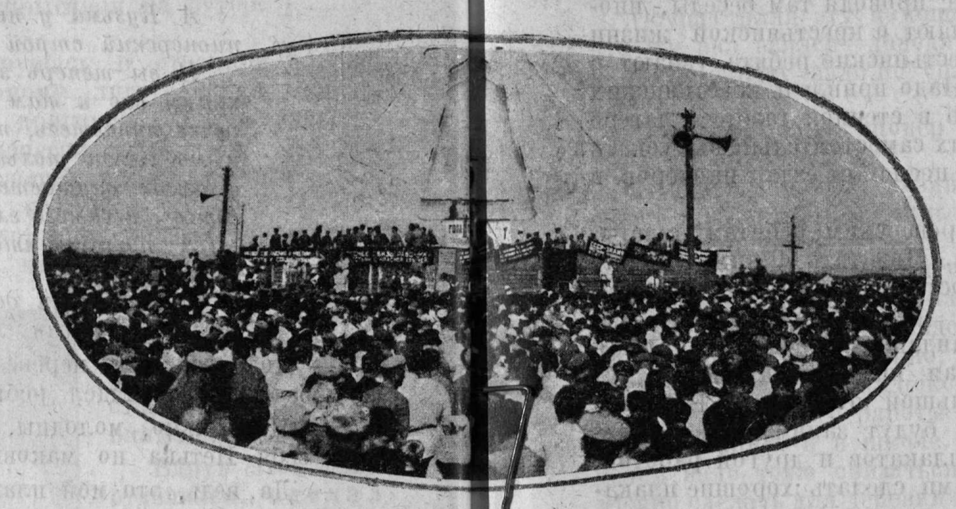
В 1903 г. его снова арестовывают и с этого времени жизнь т. Калинина сплошное путешествие по тюремным камерам. Он был арестован 14 раз.

В 1906 г. питерская организация большевиков посылает его делегатом на с'езд партии в Стокгольме.

В последний раз Михаила Ивановича арестовали в 1916 г., ему грозила ссылка в Сибирь, но тут подоспела февральская революция.

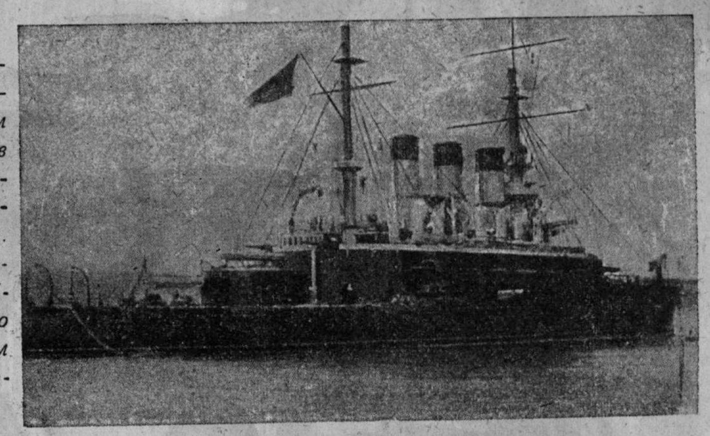
В 1919 г. после смерти 1-го председателя ВЦИК т. Свердлова, т. КАЛИНИН избирается председателем ВЦИК'а.

ДЕНЬ С. С. Р.

Трибуна на Октябрьском поле (б. ...ка) в Москве во время празднования «Дня С. С. Р.» 5-го июля.

20 ЛЕТ НАЗАД.

Броненосец «ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ» на котором произошло первое в истории нашей революции военное восстание в июне 1905 г. Восстание 700 матросов на «ПОТЕМКИНЕ» послужило призывным сигналом развертывания революции 1905 г.

IV КОНФЕРЕНЦИЯ Р. Л. К. С. М.

Недавно закончилась ЧЕТВЕРТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. Л. К. С. М. Внизу: Заседание конференции в Доме Союзов. Вверху: Секретарь ЦК Р.Л.К.С.М. т. ЧАПЛИН.

ВОЙНА В МАРОККО.

ВВЕРХУ: Французский броневой отряд в походе против риффов.

ВНИЗУ: Риффы на позиции.

В Марокко, севере Африки, идет в настоящее время ожесточенная война ...анцузов и испанцев против риффов. Риффы, туземцы Марокко, вос...и против своих поработителей капиталистов.

Марокко лако... кусок для французских империалистов. Это очень богатая ст...а и французская буржуазия не жалеет ни денег, ни солдатски... жизней для окончательного завоевания Марокко.

Европейским солд...м приходится терпеть всевозможны... ...ишения от непривычной жары и ...пических заболеваний.

Риффы усиленно со...тивляются, отстаивая свою незави...ость и свободу. Им приходится вест... неравный бой с хорошо вооруженн... противником.

Коммунисты во фр...узском парламенте разоблачают ... грабительскую войну, доказывая пре...пность ведения такой войны.

К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ

Демонстрация протеста китайцев, живущих в Москве, против расстрела китайских студентов и рабочих англичанами в Шанхае.

На крестьянском дворе.

КРЕПИ СВЯЗЬ

Выезжая в лагеря из города, мы прежде всего думаем о том, близко ли будем жить от какой-либо деревни, или села. Для чего это нам надо? Для того, чтобы мы могли тесно связаться с деревней, разузнать об ее жизни и провести одно из наших очередных заданий на лето. Это—политико-общественная и трудовая работа среди крестьянских детей и в крестьянском хозяйстве.

Лето все ребята должны использовать для поправки своего здоровья, для отдыха. За летнее время ребята должны набраться сил на зиму; лето же дает возможность наблюдать и изучать природу, но в то же время только летом можно полностью осуществить смычку с деревней.

Как же на деле провести нашу связь с деревней?

Что для этого надо сделать и как к этому подойти?

К работе в деревне надо подходить осторожно, иначе можно испортить все дело. Ни громкими фразами, ни барабанным боем завоевывай доверие крестьян, а делом в течение всего лета.

Легче всего пионерам связаться с крестьянскими ребятами. Их особенно будет интересовать пионерская жизнь и подходить к ним надо не свысока, а по-просту, по-братски. Если у пионеров города больше знаний, больше уменья, больше организованности, то и у крестьянских ребят есть большой жизненный опыт знания в сельском хозяйстве.

Деревенским ребятам надо показать: как идет жизнь в лагере, как занимаются пионеры. Побеседовать с ними, устроить совместные занятия, игры, научить их новым песням.

Некоторые старшие ребята из лагеря поедут в ночное; проводя там беседы, пионеры многое узнают о крестьянской жизни и, наоборот, крестьянские ребята узнают о жизни города. Надо привлечь крестьянских ребят к участию в стенной газете в лагере и надо научить их самостоятельно выпускать такую газету после от'езда пионеров в город.

Надо дать деревенским ребятам газеты, журналы, книги. Почитать с ними; можно организовать постоянную библиотеку с выдачей книг.

Бумага, карандаши, краски и хорошая иллюстрированная книжка, журнал будут для деревни большой ценностью. Ребята с большой охотой будут заниматься рисованием, клейкой плакатов и другой работой. Можно с ребятами сделать хорошие плакаты, диаграммы, лозунги для школы, для избы-читальни.

Во всей работе с ребятами не надо забывать возраст. Подход и материал для работы к младшим и старшим должен быть различен и время для занятий надо выбирать удобное для ребят—в праздники, или вечером после того, как пригонят скот. Не надо забывать, что деревенские ребята все заняты крестьянской работой.

Через ребят пионеры найдут связь и со взрослыми и со всей деревней. Всю работу надо проводить, согласовавшись с местной ячейкой РКП и РЛКСМ.

Поливают на огороде.

С ДЕРЕВНЕЙ!

Чему и как может помочь пионер крестьянскому хозяйству?

Разумеется, помогать надо беднейшему хозяйству: семье красноармейца, а не кулаку и особенно в страдное время ценна такая помощь.

Осуществляя эту помощь, надо помнить, что уж раз взялся—доводи дело до конца и брать работу надо по силам, не перегружаясь.

В чем же может пионер помочь крестьянину?

Возьмем домашнее хозяйство. Тут ребята могут присмотреть за малышами, когда все взрослые спешат в поле. Пионеры могут присмотреть за коровой, птицей, могут починить плетень, убрать в избе и прочее. На огороде тоже всегда найдется работа: поливка, полка, окапывание, а в поле найдется работа на жнивье и на покосе.

Помогает на пашне.

Найдется много работы и в сельсовете и в кооперации, и в школе. С местным учителем надо тоже связаться. С ним многое можно сделать для деревни и школы и от него многому можно научиться. Работа будет и в школьном саду и во дворе. Можно сделать простые пособия для школы: плакаты, собрать коллекции. А в своем лагере пионеры устроят сельско-хозяйственный уголок. В этом уголке наглядно будет отражена жизнь деревни. Уголок же обнаружит и результаты работы пионеров: какая работа была проделана.

Живя в лагере, пионеры сталкиваются с крестьянами и крестьянскими ребятами только той деревни, около которой они живут. Пионеры не имеют возможности раз'езжать по другим деревням. Да этого и не нужно. А для того, чтобы познакомить окрестных крестьян с целями и задачами пионеров, хорошо использовать ярмарки, на которые с'езжается много крестьян из дальних деревень. Устроить спектакль или живую газету, помочь оборудовать палатки кооперации, украсить эти палатки,—вот работа пионеров на ярмарке.

Читает письмо неграмотной.

Нужно помнить, что лагерь должен помочь крепить смычку между городом и деревней. Когда в лагерь приезжают взрослые, родители пионеров, нужно этих взрослых познакомить с местными крестьянами, чтобы через лагерь пионеры не только связывались с крестьянскими ребятами, но и помогали связаться взрослым рабочим с крестьянским населением.

На ряду с будничной, повседневной работой огромное значение будет иметь проведение вместе с крестьянскими ребятами какого-либо революционного праздника, постановка спектакля и т. п. Темы постановок должны быть близкими и понятными деревне.

Осуществляя политико-общественные и трудовые задания в деревне, пионеры не должны забывать, что они в то же время должны получить знания, должны изучить деревню, должны запастись материалом для зимней работы, а потому надо учитывать свою работу, вести записи. Хорошо было бы произвести подробное обследование деревни по заранее составленной анкете-вопроснику. Тщательно к этому подготовиться и распределить работу между звеньями. Обследовать деревню придется и с материальной стороны. Обследовать хозяйство—ведется ли оно по старинке или вводятся новые лучшие приемы сельского хозяйства, и как можно помочь деревне в улучшении ее хозяйства. Обследовать придется и быт деревни: как она живет, как изменилась эта жизнь под влиянием революции, в чем выражается общественная жизнь в деревне и проч. Такое обследование, конечно, надо проводить при поддержке местной комсомольской и партийной ячейки. Собранный материал, тщательно записанный, будет иметь огромное значение для городской работы отряда и для дальнейшей связи с деревней.

Вожатый.

НАША ЖИЗНЬ

Голоштанники

Словно напуганный рычит паровоз, подходя к семафору маленькой убогой станции... Стук реже и реже. Все замерло... Полетели узлы, корзины, мешки... Ночь. Холодный пронизывающий ветер... Неприветливо в грязном, с раскрытыми дверями станционном доме... Дрогнем в ожидании дня... В телеге, полной соломы едем в деревню. Ветер и мелкий дождь; но мы поем, смеемся.

Вдали серенькое пятнышко у подножья холма, то наша деревня. В'ехали. Маленькие клетушки-избы, крытые соломой, чумазые ребята в лаптях. Здоровые загорелые лица. Вот она настоящая-то деревня... Не успели войти в избу, как начали стекаться комсомольцы, пионеры, не без интереса заглядывают взрослые...

— Не побоялись вы, этакие малыши, езжать в эдаку даль—ведь, деревенские ребята озорные, рази с ним што сделаешь?, — говорит один из крестьян...

Наши бойко и ловко отвечали на вопросы.

Вся деревня как по радио получили весть о приехавших «Москвичах-пионерах», на каждом углу шел оживленный разговор... В избе за перегородкой мать и 11-летняя дочь тихо шептались «Последняя дочь и та от рук отбилась... Погодите, всплачетесь, когда на том свете поджаривать будут»— говорит угрожающе обиженная старуха... Дочь, не меньше матери забитая лешими, святыми, адом и другими религиозно-бытовыми бреднями, не раз тайком от матери бегала на отрядный сбор. Старуха догадывается.

Вышли на улицу, свежий ветерок ласково щиплет лицо. Идут женщины в родник за ключевой водой, остановились и недоумевающе смотрят во все глаза:

— И не стыдно вам так ходить?

Мы невольно переглянулись, не понимая в чем дело.

— Глядеть на вас тошно—резонно отчеканила тетенька и пошли...

— Последние дни пришли—говорят старухи на деревне—антихристы приехали и без штанов ходят.

Быстро потекли дни. Часов во всей деревне нет, их не привыкли считать... Сразу освоились в простецкой, крестьянской среде, словно здесь выросли... Тишка, Ванька Васька, такие простые, близкие смышленные ребята.

Мы знаем три измерения дня: утро—завтрак; полдень—обед; скот пригнали с поля—значит ужинать пора. Так легко и быстро усваивается этот простой счет.

Спрашиваем ребят: «Когда назначить отрядный сбор?»

— После телят—не задумываясь говорят они. Пастухи выгнали телят в деревню. Мигом сбеглись ребята на сбор... Сидим за ужином. Весело и уютно. «Бабушка, почему господь женщин неравноправными создал?» — спрашивает тов. Юнкор. «Перед богом мы все равны»,—отвечает старуха.

—А вот почему поп хлебом сбирает?—задев за живое бабку, спрашивает Костя.

Он, ребятки, этим кормится. Мы пашем—кормимся, а он в церкви служит—кормится.

— Темный, серый мужик, поп городи, что хошь ему—всему верит—добавляет безбожник-дед.

Бабушка, чувствуя силу на нашей стороне,—обижаясь уходит в чулан...

Теплое утро. Солнце вышло за гору... Пристально смотрит бабушка, как поднимаются и опускаются руки.

— Молитва, что ли у вас? — насмешливо спрашивает она после занятий физкультурой.

Тихо в избе... В чулане старуха чинит белье. Четко раздается барабанный бой, то отряд пошел в огород на работу.

— Вишь, всю деревню взбаламутили эти голоштанники, дочка тоже утямилась за ними... Деревенские моду взяли—шьют такие короткие штаны... вот срам-то...—себе под нос ворчала старуха; а там на улице слышалась удалая пионерская песня наших ребят...

Спортивная площадка окружена толпой женщин, ребят, за пестрой толпой виднеется группа седобородых стариков.

—Сегодня отряд им. Ворошилова дает торжественное обещание, звонко гремит голос председательствующего пионера.

Зачитывается письмо тов. Ворошилову. Передается знамя, барабан и библиотечка от московских пионеров деревенским. Настроение боевое, весело и громко поются вновь разученные песни...

— Разве мы так росли—говорит старик из толпы...

Будничный день... Как всегда в раз назначенное время «после телят» ребята бегут на отрядный (или звеньевой) сбор... Маленькая комната школы. На парте разложены книги. Библиотекарша выводит корявые буквы на клочке бумаги. Перед каждым сбором ребята меняют книги.

— Беда, не хватит книг —жалуется библиотекарша.

Тихо. Внимательно ребята слушают городских товарищей... Не каждое слово лезет в голову, неоткуда было научиться, надо начинать с азов... Бьет барабан... В такт взмахивают руки... Быстро захватила ребят пионерская работа.

— Хоть весь день с нами занимайтесь—говорят ребята...

Здорово понравился барабан ребятам... Хочется научиться. Разойдутся домой, возьмут старое ведро и выбивают—учатся... Каждое звено уже дало по барабанщику. Дружно ребята взялись за отрядную газету «Юные Ворошиловцы». Кроме выделенных пикоров и другие ребята несут в газету заметки...

Работали в огороде: подошли крестьяне потолковать.

— Не за плохое дело взялись—говорят они.

Оживленно прошла беседа; весело с песнями зашагали домой.

Хорошо работать на огородном участке. Ребята каждый вечер ходят звеньями в огород. В праздник всем отрядом ходили в лес.

Так живем мы одною дружной семьей с деревенскими пионерами.

Н. Широков.

Москва, 43-я школа.

Кимовцы за работой

Отряд им. КИМ при Измалковской Райшколе, Елецкого уезда, Орловской губернии, вместе со школой организовал деткооператив. В организации и работе кооператива самое активное участие принимает Измалковское ЕПО и школьные работники. Организация кооператива проходила следующим образом.

Пионер читает крестьянам газету.

Измалковское ЕПО отпустило деткооперативу в кредит товара на 54 рубля: карандаши, ручки, перья, бумага, книжки и пр., при чем товары отпущены кооперативом по себестоимости, не принимая в расчет всякого рода накладные расходы. Деткооператив накладывает на товары небольшие проценты и, таким образом, продавая товары дешевле, чем в ЕПО, получает все-таки прибыль.

Долг свой ЕПО деткооператив постепенно выплачивает.

Для ведения работы выделено Правление из трех лиц: председатель правления, бухгалтер и продавец—он же казначей.

Под руководством взрослых кооператоров члены правления ведут торговые книги.

Выбрана и ревизионная комиссия. При ревизиях всегда присутствует член Правления ЕПО.

Авторитет среди детей громадный. Но пайщиков всего 22 человека. Пионеры об'ясняют это тем, что «пятаков» не хватает: ведь они члены МОПР'а, ОДВФ, выписывают газету «Красный Галстук», журнал «Пионер» и т. д. С нового учебного года, вероятно, количество пайщиков увеличится.

Сами «кооператоры» к своей работе относятся очень серьезно: на волконференции предправления сделал очень дельный и обстоятельный доклад о работе.

Надо думать, что дальше кооператив будет работать не хуже.

Женя Измалкова.

(село Измалково).

Наша спортплощадка

Долго наши пионеры не знали, где устроить себе площадку для нашей работы с неорганизованными рябятами и для занятий по физкультуре.

Но вот мы выпросили почти совсем заросший травой и сорный сад.

Обрадовались мы и дружно взялись за работу в своем саду. Через два дня наш сад и площадка были готовы, здесь мы и проводим свою работу.

2-ое звено пионеротряда при руднике «КРАСНЫЙ ПРОФИНТЕРН» Енакиевского района.

тесь, учитесь—в жизни все пригодится.

— Стройся—в ногу раз, два, три!

49 Сок. отряд юных пионеров.

Звено «СМЫЧКА».

Как мы провели день кооперации в лагере

Приехавши в лагерь мы стали готовиться ко дню кооперации. Проводили мы беседы, на которых присутствовали крестьянские ребята. Наконец, настал и день кооперации и мы отправились строем в деревню. Приходим в деревню, смотрим—крестьян там очень мало. Что делать? Надо как-нибудь собрать крестьян. Долго мы думать не стали: взяли барабан, горн и знамя и пошли по деревне. Крестьяне заинтересовались и целой гурьбой побрели за нашим строем. Собрали мы крестьян и открыли митинг. Крестьяне слушали внимательно все доклады. Даже одна старушка выступила и сказала: «чем мы будем покупать у торговцев, пойдем в кооперацию». После этого мы поставили две инсценировки: одна из них была ко дню кооперации. Крестьяне остались нами довольны.

Пикор *Степынин*

Будущие пионеры,

Чем можем, тем поможем

Садилось солнце за лесом, освещая косыми лучами огромные картофельные поля и село Алексеевское. Выбивая ногу, шли по дороге пионеры.

— Раз, два, три! Левой! Левой! На полях работали крестьяне. Окучивали сошниками картофель.

— Вы только и умеете в трубу трубить, да ногу выбивать. Вы бы вот попахали,—сказал один из крестьян.

Все, как один, бросились к нему: «Давай! давай»! А через одну минуту уже по бороздам за лошадью шагал один из пионеров, а рядом с ним крестьянин.

— Ай-да девочка, не хуже любого парня пашет. Молодец! Кончили. Хотелось еще и еще походить за лошадью. Но поле уже окончено.

— Спасибо, вам ребятки, учи-

С Кавказа

Наш I Бауманский отряд на лето выехал в Сочи. Уставшие за зиму ребята набираются сил,—наладив смычку с Черным морем, южным солнцем и сочинским воздухом.

Москвичи помогают местным отрядам, прикрепившись к каждому отряду по звену.

Кроме этого, пионеры нашего отряда, совместно с сочинскими, выезжают в деревню, устраивая смычку с деревенскими ребятами, проводя беседы о Ленине, а для взрослых крестьян — кто такие пионеры и др.

Этим работа наша не ограничивается. Мы намерены изучить местный край, его революционное прошлое и экономическое состояние.

Ребята здорово загорели, поправились. Надеемся, что наберемся сил, и следующий учебный год пройдет еще лучше, с еще большими результатами.

Кимка.

г. Сочи.

К. Маковеев.

ЮН-ЧИН-ЛИН

Живое кино в 2-х частях.

ЧАСТЬ I

1. Юн-Чин-Лин — живое кино в 2-х частях.

2. Китайчонок Юн-Чин-Лин — чистильщик сапог в европейской части Пекина.

2. Угол дома. Редкие прохожие. На углу Юн-Чин-Лин. Из-за угла выходит толстый буржуа, пыхтит и ставит ногу. Юн-Чин-Лин старательно чистит; тот бросает ему монетку, уходит.

3. Ван-Чон—друг Юн-Чин-Лина—живая реклама.

3. Ван-Чон выходит с рекламой на спине. Оглядывается и снимает ее, ставит к стенке, весело разговаривают, смеются. Юн-Чин-Лин чистит ему нос.

4. Японец Ку-Шинт—полицейский.

4. Китайчата продолжают шалить. Ван-Чон (хохот) сидит на ящике для чистки. Вдруг Юн-Чин-Лин заметил полицейского, дает тумака Ван-Чону, тот испуганно вскакивает и убегает. Полицейский берет рекламу и читает, плюет на нее и бросает. Ван-Чон на расстоянии наблюдает, подходит и просит ее.

Тот, оттащив его за косу,—отдает рекламу. Подходит к Юн-Чин-Лину. Тот старательно роется в ящике—работает. Полицейский ставит и бьет дубинкой по щеке. Юн-Чин-Лин чистит. За чистку Ку-Шинт пихает его в ящик и уходит, задрав нос. Юн-Чин-Лин грозит ему кулаком вдогонку.

5. Изо дня в день Юн-Чин-Лин сидел на углу и чистил ботинки, получая за это гроши.

5. Подходит барыня, он ей чистит ботинки, потом какой-то чиновник, все с пренебрежением бросают ему мелкие монеты.

6. Дети знатных родителей издевались над ним. Особенно скверно относились к нему дети белых—европейцев.

6. Идет няня с двумя «деточками» лет по 15—16. Мальчик ставит ногу и капризно приказывает чистить. Юн-Чин-Лин чистит. Девчонка отворачивается и зажимает нос. Потом она ставит ногу, а сама, отвернувшись, уткнула нос в платок.

Начистив ботинок, не заплатив денег, пошли дальше. Юн-Чин-Лин кричит, вскакивает. Девченка показывает нос, а мальчишка изящной тросточкой огревает Юн-Чин-Лина, который, злобно сжав зубы, грозит кулаком.

7. Друг каких мало—Ван-Чон.

7. Из-за угла показывается рожица Ван-Чона. Он принес поесть. Уплетая за обе щеки, он рассказывает о своих неприятностях.

8. Новость Ван-Чона—китайский пионерский журнал.

8. Вытаскивает журнал и показывает ему страницу; оба радостны.

9. Я обязательно хочу посмотреть СССР—страну, в которой ребятам живется свободно и цилиндры не имеют права бить детей.

9. Юн-Чин-Лин вскочил, вдохновенно говорит. Ван-Чон, с вытаращенными глазами, смотрит на под'ем своего друга.

10. Ку-Шинт не зря получает жалованье.

10. Ребята увлеклись журналом. Ку-Шинт идет и опять замечает ребят вместе, подкрадывается и выхватывает журнал. Ван-Чон утекает; Юн-Чин-Лин вскочил. Убедившись, что журнал коммунистический, он хватает Юн-Чин-Лина за шиворот и хочет вести, тот ударяет ящиком по руке, щетки и банки вываливаются, он быстро ныряет между ног, полицейский падает, а Юн-Чин-Лин удирает. Злость полицейского.

11. Жалкое существование влачила семья Юн-Чин-Лина.

11. Запыхавшись входит в каморку. У очага мать что-то варит. На полу рваные братишки. Бросает ящик, вынимает несколько монет матери. Та говорит, что мало, он, злой, садится в уголок, хватается за голову руками.

12. Отец—грузчик после тяжелого дня приходит с работы.

12. Вваливается отец, согнувшись, вытирает пот, ворчит и разговаривает с ребятами. Садятся за обед на полу.

13. Юн-Чин-Лин поглощен мыслью о СССР.

13. Семья обедает. Юн-Чин-Лин продолжает сидеть в раздумье.

14. Мать, видя задумчивость Юн-Чин-Лина, решает позвать брата—лекаря.

14. Входит брат матери—лекарь. Трогает голову, смотрит язык, слушает и спрашивает, и говорит матери.

15. Юн-Чин-Лин неизлечим, его гнетет какая-то мысль.

15. Подходит к Юн-Чин-Лину и разговаривает с ним.

16. Я задумал попасть в СССР.

16. После этих слов лекарь вскакивает в ужасе. Потом начинает убеждать его.

17. Лекарь рассказывает об ужасах в СССР.

17. Вся семья слушает лекаря. Свет тухнет. 1 картина; идет человек, выходит какое-то чудовище и стреляет в него из револьвера. 2. Сидит человек на скамейке, вдруг подходят трое в масках, берут за горло и душат.

18. Рассказы на больного так действуют, что он скрывается из дома.

18. Лекарь так увлекся, что не замечает слушателей. Юн-Чин-Лин, тихонько отодвинувшись, убегает.

19. Так что лучше, мой сын, не езджай в СССР.

19. При этих словах он смотрит на то место, где сидел Юн-Чин-Лин, делает удивленное лицо и, пожимая плечами, уходит. Братишки хохочут.

20. Ночное совещание.

20. Юн-Чин-Лин и Ван-Чон совещаются. Видны их силуэты.

Конец первой части.

ЧАСТЬ II

1. Через неделю, когда в поясе Юн-Чин-Лина звенели 10 монет, наши друзья отправляются в СССР.

1. На ящике сидят Юн-Чин-Лин и Ван-Чон, первый—считает деньги, второй—ловит мух. Сосчитанные деньги завязываются в пояс, обсуждают план. Обсудили. Вскочили и пошли: Юн-Чин-Лин—впереди, Ван-Чон—сзади.

2. В пути.

2. Идут. Ван-Чон всем отвлекается. Заметил красивое стекло, камешек, начинает разглядывать, идет ли прохожий—тоже рассматривает. Юн-Чин-Лин подтягивает своего друга. Несколько раз тухнет свет, а друзья все еще идут.

3. Серьезное знакомство с полицией в нескольких километрах от границы.

3. Усталые, они выходят на поляну. Ван-Чон не желает дальше итти; поспорив, оба ложатся спать. Из-за кулис выходит полицейский, увидев спящих ребят, он подходит и пинает их. Те вскакивают, протирают глаза, полицейский берет за шивороты и ведет в участок.

4. Каждый вывертывается по-своему.

4. Кабинет начальника полиции (стол на сцене, на нем телефон). Начальник важно прохаживается, потом садится. Вытянувшись в струнку, полицейский входит и докладывает о поимке 2 воришек. Вводят Юн-Чин-Лина. Он об'ясняет, его дергают за уши, грозят, но он об'ясняет, что они идут к родным. Его сбыскивают, находят деньги, конфискуют их. Уводят; вводят Ван-Чона, тот орет во-всю.

Ни тумаки, ни угрозы не действуют, он бесподсбен в изображении ревущего. Начальник полиции, не добившись результата, выгоняет его вон.

5. На ночь их заперли в сарай, за неимением особых улик.

5. Сидят в сарае, рассказывают, как здорово они влопались. Ван-Чон теряет голову, осматривая стену, но Юн-Чин-Лин утешает его не терять надежды.

6. Полицейский, опохмелившись, идет к заключенным, которые решились на смелый шаг.

6. Дверь заперта, около нее сидят Юн-Чин-Лин и Ван-Чон. Начинает светать. Слышат шаги, быстро свертываются клубочками у двери. Дверь створяется, вваливается туша полицейского, ребята шмыгнули в дверь. А полицейский ищет признаков заключенных, чешет затылок и злобно плюет.

7. Спасение собственных шкур.

7. Несколько раз пробегают по сцене (в одну сторону). Ван-Чон падает, встает, опять бежит.

8. Они на границе.

8. Из кустов высовываются их головы, вдруг слышны шаги. Они быстро прячутся; выходит пограничник. Он смотрит по сторонам, проходит дальше. Ребята вскакивают и убегают. Ван-Чон падает, пограничник стреляет раз, другой. Ван-Чон быстро убегает. Суматоха.

9. Нарвались.

9. Пограничник СССР ходит, внимательно смотрит, вдруг слышит выстрелы, насторожившись, приготовил свою винтовку. Прямо в ноги влетают Юн-Чин-Лин и Ван-Чон. Он поднимает их и ведет.

10. Переводчик—пионер.

10. Комната погранични. охраны. Нач. охраны. Вводят ребят. Он начинает спрашивать; в комнату вбегает сынишка—русский пионер. Отец говорит:—ну-ка спроси их, зачем они бежали. Пионер переводит; пограничники хохочут, а начальник, похлопав по плечу, пишет бумажку и дает китайчатам. Те рады.

11. Я жалею, что у меня нет с собой ящика, я бы вам так начистил сапоги, как никому другому.

11. Он берет бумажку и, улыбаясь, говорит начальнику. Пионер переводит, все хохочут.

12. При помощи бумажки Юн-Чин-Лин всюду встречал теплый прием и скоро добрался до Москвы. Он поражен товарищеским отношением пионеров.

12. Сидит группа пионеров, смеются. Вдруг входит вожатый, вводит Юн-Чин-Лина и Ван-Чона; ребята вскакивают, задают вопросы. Непонимающие китайчата во-всю улыбаются и кивают головами.

13. Наступила детская неделя. Пионеры Москвы пошли к мавзолею Ильича, чтобы еще раз громко крикнуть и поклясться: Твое дело, Ильич, продолжать всегда готовы!

13. По сцене проходит 1 отряд с барабаном, трубой, развернутым знаменем. Тьма, еще отряд. (Для этого весь отряд разделить на 2 части).

14. Китайчата на трибуне, смотрят на стальные отряды юных пионеров СССР.

14. Вместе с представителями партии стоят на трибуне пол-оборота к публике, на возвышении. Внизу дружный топот. Крики, песни и др.

15. Видны верхушки знамен. Стоящие на трибуне бросают вниз лозунги.

Грандиозная картина организованности русских детей глубоко поразила Юн-Чин-Лина и он, не выдержав, крикнул:

— Привет русским пионерам от китайских ребят.

15. Он сияет, не выдерживает, растолкав стоящих, он бросает лозунг. Все смеются и отдают салют.

16. Никто не понял этих слов, но все почувствовали, что тут сказано.

16. Все опустили руки от салюта и хлопают в ладоши, смотря на Юн-Чин-Лина.

17. Юн-Чин-Лин дает клятву, что по приезде в Китай он организует всех ребят, сделает их такими же, как в СССР, смелыми и свободными. Он расскажет им, как сплочены ребята и как они работают на пользу рабочих и крестьян всего мира.

17. Юн-Чин-Лин снова бросает слова, все со вниманием его слушают. Аплодисменты и салют.

Конец второй части.

УКАЗАНИЯ К ПОСТАНОВКЕ

Сцену нужно обставлять возможно проще. Например, если на улице мальчик чистит сапоги, то для обстановки ничего не нужно, кроме ящика и щетки.

Для китайской хижины нужно повесить пару бумажных фонариков и устлать пол циновкой (или просто куском рогожи). Чем проще, тем лучше.

На сцене, конечно, не разговаривают. Об'ясняются знаками, как глухонемые. Но все это нужно делать живо, быстро и весело.

В то время, как на сцене происходит действие, за сценой громко и четко произносятся об'яснительные слова, то, что обыкновенным кино пишется на экране.

В перерывах между картинами нужно тушить свет. Перемену обстановки нужно делать очень быстро. чтобы публика не скучала. Занавес открывать два раза: в начале первой части и перед началом второй.

Всех взрослых китайцев можно представлять резкими кукольными движениями. В особенности это относится к лекарю и к японцу Ку-Шинту.

А. Маслов.

ТАЙНЫ ПОЛЯРНЫХ СТРАН

К ПУТЕШЕСТВИЮ АМУНДСЕНА К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Две точки земного шара—северный и южный полюс на земле являются самыми заманчивыми для полярных исследователей.

Много труда было положено на это, много жизней погибло в северных и южных льдах, но до сих пор достигнут был лишь южный полюс, а до северного люди еще не дошли *).

Открытие же южного полюса тесно связано с тем, чье имя недавно произносилось многими—с надеждой, а многими с печалью и отчаянием. Это—Амундсен, отважный норвежский исследователь полярных стран; в начале 1911 года он прибыл к Южному материку—Антарктиде—в Китовую бухту на корабле «Фрам», том самом, на котором другой великий исследователь полярных стран—Фритиоф Нансен совершил свое знаменитое путешествие к северному полюсу, достигнув 86° северной широты. С наступлением весны, а весна в южном полушарии земли наступает в сентябре, когда у нас начинается осень, Амундсен снарядил караван на собаках и двинулся к южному полюсу. На этом пути ему пришлось преодолеть не мало препятствий. Прежде всего он проник за огромную ледяную стену—Великий Ледяной Барьер.

Как крепость, возвышается этот барьер, опустив в холодные волны океана свои отвесные гладкие ледяные стены; он преграждает путь к неведомым странам, лежащим за ним, в глубине той Южной Полярной Земли, которая называется Антарктидой. Проникнуть через Великий Барьер можно только в том случае, если изучить все его особенности, знать все сокровенные пути и проходы.

Затем Амундсену пришлось перевалить через два огромных горных хребта, сплошь покрытые льдом. Если путешествие по горам трудно и опасно, то путешествие по горам полярных стран в тысячу раз опаснее и труднее.

И вот преодолев нечеловеческие трудности, Амундсен 14 декабря 1911 года почти достиг южного полюса. Здесь, недалеко от полюса им были проведены научные измерения и исследования. Здесь он оставил, уходя обратно, палатку и письмо.

Амундсен на о. Шпицбергене перед отлетом.

Через месяц и 4 дня южного полюса достиг другой исследователь—англичанин Скотт. Там он нашел палатку Амундсена.

И так, южного полюса достиг Скотт.

Но не возвратился он из этой экспедиции.

Двадцати верст не дошел Скотт до склада припасов; погиб он на обратном пути от полюса.

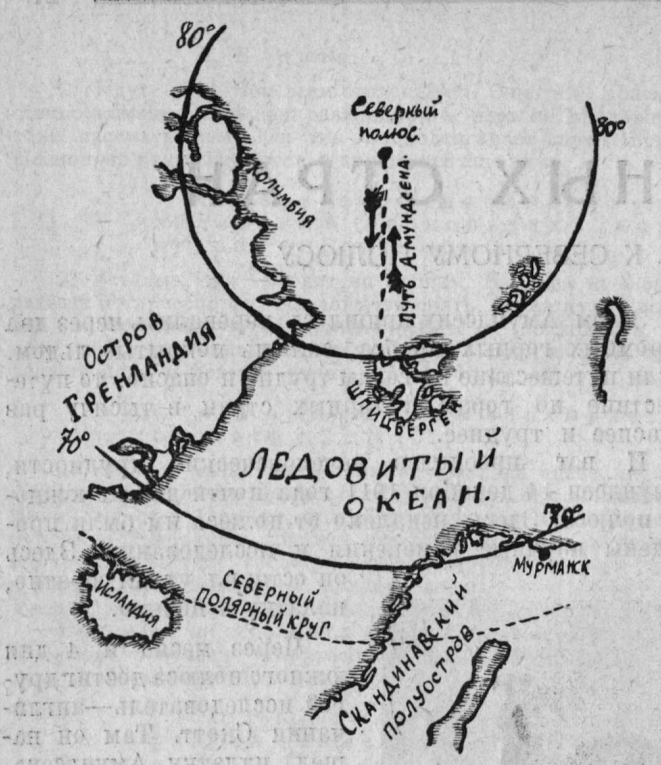
И лишь следующие экспедиции, отправленные на поиски за ним, нашли его замерзший труп.

Теперь Амундсен снарядил новую экспедицию на северный полюс.

Тысячи опасностей грозят всякому путешественнику, рискнувшему вступить в полярные льды, но Амундсен в полярных странах не новичек. Ему сейчас 53 года. Уже 25 лет от роду, в 1897 году, он участвует в южной полярной экспедиции. В 1901 году он участвует в исследовании восточной Гренландии, а с 1903 по 1906 год совершает на легком парусном судне с небольшим керосиновым мотором и с 6-ю помощниками безумно смелый переход между северными берегами Америки и островами Ледовитого океана; он прошел из Атлантического океана в Великий по узким проходам между островами и льдами Американской части Ледовитого океана. Он прошел по тому пути, на котором в 1845 году погиб исследователь Джон Франклин с

---

*) 6 апреля 1906 года американец Роберт Пири был у северного полюса; вследствие порчи его измерительных инструментов он не мог определить точно положение полюса и потому не дошел до него.

Путь Амундсена.

двумя кораблями «Эребус» и «Террор», с командой в 129 человек и запасом продовольствия на 5 лет.

Таким образом, Амундсен является человеком весьма опытным, хладнокровным и настойчивым.

Свое новое путешествие к северному полюсу он начал 21 мая в 5 час. 15 мин. пополудни с о. Шпицбергена (см. карту). В это время года солнце на крайнем севере совсем не заходит, и потому все путешествие Амундсена должно протекать без наступления тьмы.

Отправился он на 2-х гидропланах, т.-е. самолетах, которые могут, в случае надобности, опуститься прямо на воду и с нее же подняться вверх.

Расстояние, которое он должен был пролететь, чтоб достигнуть полюса, немногим больше 1.000 верст. Амундсен предполагал лететь со скоростью 140—150 верст в час; таким образом, он должен бы достигнуть полюса через 7—8 часов.

«В мои намерения,—говорит Амундсен,—входит спуститься у полюса, едва лишь наблюдения покажут, что мы находимся вблизи него. Сразу же после спуска мы произведем вычисления, чтобы с точностью установить наше прибытие к полюсу. Мы сделаем остановку на несколько часов. После остановки мы воспользуемся первым благоприятным моментом для возвращения на Шпицберген».

Таким образом, при самых благоприятных условиях все путешествие должно было бы занять времени не более двух суток.

Однако, почти месяц об Амундсене не было ничего известно.

И многих смущал вопрос:

— А не постигла ли его судьба Андре?

Всем еще памятна безумная попытка шведского инженера Андре, который 28 лет тому назад с двумя спутниками на в о з д у ш н о м ш а р е с одного из островов вблизи Шпицбергена полетел к северному полюсу. Долгое время о его судьбе никто ничего не знал, и лишь впоследствии стало ясно, что он погиб.

Что же могло случиться с Амундсеном?

Все можно было предположить.

Предполагали, что его самолеты попали в полосу противных ветров. В ледяных об'ятиях встречного ветра трудно итти вперед. Руки на руле коченеют. Мерзнет масло. Моторы останавливаются. Напрягая последние усилия пилот ведет самолет вниз и опускается на воду.

Кругом, куда ни взглянешь—воды и льды. С нечеловеческими усилиями люди достигают ледяной глыбы. А дальше?

Запас продовольствия ничтожен. Его хватит на несколько дней. Что же дальше? Гибель!

Но может быть и иначе. Может быть в моторах нехватило топлива. Весь запас его был рассчитан всего лишь на путь до полюса и обратно с излишком в д в а ч а с а. И сам Амундсен сознавался: «Если нам придется лететь при противоположном ветре, то запас бензина может оказаться недостаточным».

Что же делать дальше, если нехватит бензина?

«Тогда мы,—говорил перед полетом Амундсен,—столкнемся с такой задачей,—или продолжать путешествие, или вернуться назад».

Но даже, если на пути бросить один из аэропланов, даже и тогда бензина хватит на лишних 7—8 часов полета.

Однако, кто знает Амундсена, кто знает его предусмотрительность, его находчивость, его хладнокровие и его опытность, кто знает, что к своему полету он готовился целых полтора года,—тот был уверен в благополучном исходе его экспедиции.

Так и случилось. Амундсен, по истечении месяца со времени своего отлета на полюс, возвратился на Шпицберген.

Возвратился вследствие весьма неблагоприятных ветров и очень большого холода, что не давало возможности самолетам двигаться.

Возвратился, не достигнув полюса.

Наблюдения Амундсена показали, что он достиг 87° северной широты, т.-е. не дошел 3 градусов до полюса, а так как каждый градус широты на поверхности земли равняется 105 верстам, то выходит, что Амундсен не долетел 315 верст до полюса.

Теперь попробуем ответить на такие вопросы:— зачем люди стремятся к полюсам, зачем они, рискуя жизнью, углубляются в страшную ледяную пустыню?

Тут придется прежде всего указать на то, что человек всегда стремится узнать ему еще неизвестное. С первых дней своей жизни человек исследует природу: уже ребенком он познает ее тайны и ее законы.

Кого не манит к себе густая чаща леса?

Кто из ребят по своему не «исследует» глубину реки или пруда, высоту деревьев или темные пещеры где-нибудь в обрывах оврагов?

Из таких исследований рождается знание природы. А без знания природы человек—бессильное, слабенькое существо.

Взрослые люди исследуют не только пещеры в оврагах или глубины рек и прудов, они исследуют всю поверхность земли, полярные страны с их морозами, доходящими до 70° и жаркие страны с их удушающим зноем.

А полюс имеет много особенностей.

Прежде всего на нем движение вокруг земной оси гораздо медленнее, чем в другим местах земли.

Кроме того, у полюса все тела немного тяжелее, чем в других местах земли и вот почему: расстояние от полюса до центра земли здесь меньше, чем в других местах, так земной шар имеет сплющенность у полюса и выпуклость у экватора. В виду того, что тела на полюсе тяжелее, они и падают там быстрее. Но не нужно думать, что разница в весе или в быстроте падения большая: нет, — если, например, где-нибудь на экваторе какой-нибудь предмет имеет вес в 1 килограмм, то на полюсе (северном или южном, это безразлично) он будет весить 1 килограмм и 5 граммов. В связи с этим и часы с маятником на полюсе идут быстрее: если бы привезти на полюс такие часы, которые точно выверены были на экваторе, то они в сутки уходили бы вперед на 4 минуты.

А солнце? Оно летом совсем не заходит, а зимой—совсем не всходит. Пригоден ли на полюсе обыкновенный календарь?

Конечно, нет! Ведь там дней совсем нет, в том смысле, как это бывает у нас!

А еще интереснее то, что на северном полюсе есть только одна страна света—юг! А восток, запад, север? Их нет! В чем же дело? Возьмите глобус. Действительно, в какую бы сторону с полюса ни начать движение, всегда это движение будет на юг. Теперь предположим, что исследователь идет через северный полюс; он идет, понятно, с юга; но пройдя эту замечательную точку—полюс, он уже движется с севера на юг. Как странно: за один шаг до полюса он шел с юга на север, а сделав шаг через полюс, он стал итти с севера на юг!

Хотя направление свое он не менял.

А в каком направлении дуют ветры на северном полюсе?

Если стоять точно на полюсе, то они всегда будут южные.

И много еще вопросов имеет человек: что там—в области полюса, — земля или море?—какова его глубина, что оно из себя представляет? Какова погода на полюсе и как она изменяется? Какое влияние она имеет на погоду ближайших материков и т. д.

Один вопрос рождает другой, и все их стремится разрешить человек. Но кроме этого, на исследование полярных стран толкает и прямой расчет.

Как проехать, например, из Амстердама (Голландия) в Иокагаму в Японии?

Возьмите опять глобус и проследите.

Вам придется или плыть по океанам и морям, огибая материки Европы и Азии, или, перерезав наискось Атлантический океан, через Панамский канал проникнуть в Великий океан и его снова пройти наискось. И в том и в другом случае расстояние очень большое. И на такой путь нужно потратить не меньше месяца. Можно, конечно, и еще: через СССР, по Сибирской железной дороге до Владивостока и дальше на пароходе. Но и этот путь тоже очень длинен и потребует также не меньше месяца.

А нельзя ли иначе как-нибудь?

Казалось бы можно: через льды Ледовитого океана, через околополярные страны. Последний путь гораздо короче, но он опаснее и труднее.

А может быть на самолетах этот путь можно осуществить?

Может быть. Высчитано, например, что путь от Амстердама до Иокагамы через полярные страны на воздушном корабле можно сделать в течение одной недели.

Полет Амундсена есть первая хорошо задуманная попытка разрешить этот вопрос.

А за ним будут новые исследователи.

И первым среди них—друг Советской России Фритиоф Нансен.

Нансен занят в настоящее время разработкой плана полета к северному полюсу на большом воздушном корабле, на цеппелине.

Правительство СССР в этом отношении пошло ему навстречу: оно образовало комиссию, которая будет обсуждать и проект Нансена, а также и вообще возможность путешествия по полярным странам на воздушных кораблях.

И недалеко то время, когда область, лежащая за полярным кругом, центром которой является полюс, будет подробно исследована и тайн у нее не будет.

Гидропланы Амундсена перед отлетом.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЦВЕТОК НЕОБЫЧАЙНОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Такой цветок растет на острове Суматра и достигает более 8 футов вышины. Цветок достигает такой вышины в течение одного месяца и обладает очень неприятным запахом. Все великолепие цветка продолжается 3 дня, после чего он отцветает и вянет.

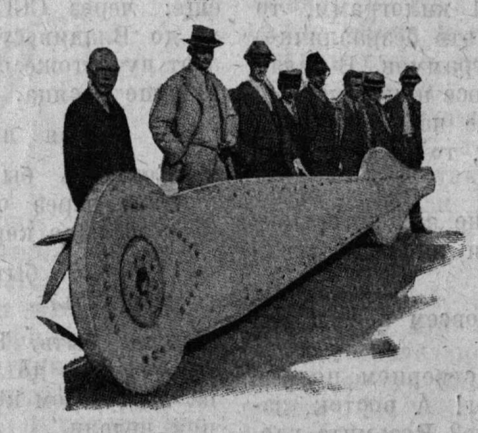
КАК ИСПЫТЫВАЮТ АЭРОПЛАНЫ

Для того, чтобы определить прочность аэропланов и все их главнейшие недостатки, а также и причины взрывов и пожаров, которые обыкновенно случаются при падении аэропланов на землю—в Америке были устроены следующие опыты:

Четыре аэроплана были пущены вниз по уклону на специально построенную бетонную стену и разбились вдребезги с таким грохотом, который был слышен на много миль в окрестности. Крылья с аэропланов были сняты, чтобы воспрепятствовать взлету. Аэропланы были пущены с площадки вышиною 25 футов, от которой шли наклонно рельсы к бетонной стене на расстоянии 100 футов. Аэропланы ставились на рельсы, мотору давался полный ход, после чего перерубался топором сдерживающий аэроплан канат.

Аэроплан рванулся вперед, увеличивая скорость с каждым оборотом пропеллера, и со страшным грохотом разбился о стену. Высоко в воздухе разлетались куски дерева и металла. Фотографы и инженеры, наблюдавшие за опытом из-за прикрытия на расстоянии 25 футов, были обданы брызгами газолина. Ось пропеллера вонзилась в бетонную стену на глубину целого фута. После удара аэроплан обращался в кучу щепок и бесформенную массу металла.

МИНУТНАЯ СТРЕЛКА В 27 ФУТОВ ДЛИНОЮ

Для перевозки с фабрики на место, весящей почти 60 пудов и длиною в 27 футов, минутной стрелки для величайших в мире часов потребовалась целая платформа. В течение часа конец стрелки проходит по большому циферблату приблизительно сто пятьдесят семь футов.

Стоящие в ряд восемь человек показывают, как велики размеры минутной стрелки гигантских часов, которые указывают время всему городу.

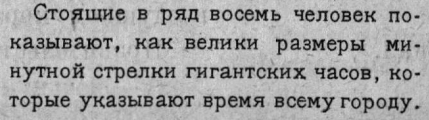

СИЛУ ВЕТРА — В ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОК

Один немецкий изобретатель придумал новую ветряную электрическую станцию, которая обращеет силу ветра непосредственно в электрический ток. Крылья станции установлены на мачте. За крыльями, на мачте находится и динамо-машина, которая соединена с крыльями одной осью. К земле идут провода и приспособления для управления станцией.

Такая станция дает широкую возможность использования даровой силы ветра в сельском хозяйстве для освещения и для приведения в движение моторов.

ВВЕРХУ: Обломки самолета после удара.

ВНИЗУ: Взрыв самолета при ударе в стену.

ОТВЕТЫ ПИКОРАМ

СТЕПЕ БЕЛОУСОВУ: То, что ты нам прислал, даже не называется стихами. Это просто записочка, которую очень трудно прочитать потому, что она написана неряшливо.

МАРФУШЕ ЕРЕМИНОЙ. В стихотворении «Ильич умер» очень неудачные сравнения: Ильич «лежит как пласт», «слова его лихие» и т. п. Стих. «Ленин» слабо. Не пойдет.

М. КАПИТАНОВУ: В твоем рассказе наворочено без толку слишком много приключений. Ребята связывают неповинного ни в чем сторожа и почему-то считают это своей победой по пути к коммунизму и т. п. Не пойдет. Стихи слабы.

М. ПЕРОВУ: Не пойдет. Журналов выслать не можем.

ЛЫСОВУ: Рассказ не пойдет. Попробуй писать из пионерской жизни.

Н. ТИТСКИИХ: Много общих фраз. Не пойдет.

ЕВГЕНИЮ ДАШКОВУ: Ты выбрал затасканные скверные мотивы. Нельзя говорить «песнь затягая» «знамена свои развивая». Не пойдет.

Н. ВЕГАРД: Неинтересно.

БОНДАРЮ МАЗУЛЕВСКОМУ: В инсценировке нет действия. Скучна. Рекомендуется лучше не выводить таких отвлеченных действующих лиц, как Окт. революция, РКП и т. д., а пользоваться живыми фигурами.

В. АРЕФЬЕВУ: Не пойдет. Пришлите инсценировку на эту же тему, где действующими лицами являлись бы не книги, а люди.

М. ЕФИМОВУ. Запоздало.

И. КРЕЙНГОЛЬДУ: Очень громко ты бряцаешь оружием:

«Дрожи буржуазия пред ратью молодой,
Которая готова вступить в нерваный бой».

Почему неравный. А если неравный бой, то почему эта буржуазия должна дрожать? Хорошо продумывай стихи, прежде чем посылать. Пиши из жизни пионеров.

К. СВЕНТОРЖЕЦКОЙ: В стихотворении встречаются неплохие строки, но в целом оно слабо проработано. Стих. «Пионеры» состоит сплошь из одних громких фраз.

ИЛЬЕ ПАРЕЦКОМУ: Нужно было указать, в какой же это стране «где нет ручьев и прохлады» происходило то, о чем говорится в стихотворении. Получается такое впечатление, будто ты совсем не знаешь того, о чем пишешь. Потом какую эту тайну «коммунисты выдать не посмеют». Непонятно. Пересылать в другой журнал не считаем целесообразным.

С. МАКАРЫЧУ: Не пойдет.

ОТГАДАЙ!

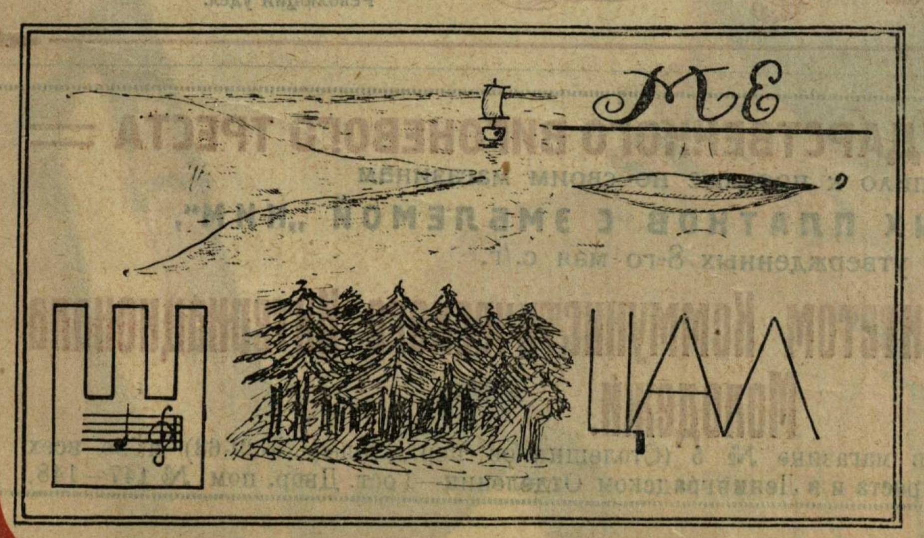
ЗАДАЧА № 3.

Х. Д.

ЦИК Украины разработал декрет, по которому через каждые 3 года жалованье учителей будет повышаться на одну десятую. Зная, что его отец получает жалованья 50 руб., пионер Петя пытался вычислить, сколько жалованья будет получать его отец в месяц через 15 лет. При этом оказалось, что все вычисления он (зная десятичные дроби) сделал только при помощи сложения.

Сколько жалованья будет получать отец Пети через 15 лет? Как решил Петя задачу, делая только сложения?

РЕБУС

Решение задачи № 7 помещенной в № 11.

Верные решения задачи № 7 первыми прислали: Михаил ЕФИМОВ (гор. Мещовск, Калужской губ.), А. Ходорово (Москва) и Е. Баржанской.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Какими двумя нотами можно мерить землю?
2. Каких двух животных надо соединить вместе, чтобы получить яд.
3. Если оторвешь от меня хвост и присоединишь его к голове, то получишь животное. Что это?
4. Я хищное животное, но вставь лишь слог „ГИ“ и меня должен знать и соблюдать каждый пионер.

11206

Цена №-ра 30 коп.

М. Генжин

ВЕСЕЛЫЕ ПИОНЕРЫ

Рисунки В. СУТЕЕВА

5.

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

Но не только знают звенья
Песни, игры, упражненья.
В жизни нашего звена
Есть другая сторона:
Кто работает в деревне,
Мрак рассеивает древний,
Разрушает у детей
Веру в бога и чертей.
Нужно звать крестьян учиться,
Нужно знаньями делиться.
Потихоньку от старух
Почитать газету вслух.
Впрочем, есть свои заботы
У описанной работы.
Не свалять бы дурака...
Взять деревню за бока
Без привычки—невозможно.
Надо ладить осторожно:
Знать крестьянскую нужду,
Деревенскую среду.
Но недаром Ручеек
Был крестьянина сынок.
На селе, сказать без лести,
Он с Вострушкою—на месте.
Их вести кружок ребят
Без опаски шлет отряд.
Целый день они на воле,
Поспевают всюду, в поле
Пашут, сеют, косят, жнут
От крестьян не отстают.
О ночном забыв покое,
Скачут весело в ночное.
Где свободно у костра
Веселится детвора.
Среди улицы на травке
Вечерком играют в бабки,
Лихо водят хоровод,
Удивляют весь народ.
Ручеек с Вострушкой вскоре
Поразнюхали все горе:
Где неладно, где не так,
Кто хозяин, кто батрак.
Стали ладить понемногу
Коллективную подмогу.
То вспахают для сирот
Под капусту огород,
То учительнице школы
Облегчают труд тяжелый
И готовят ей как раз
Дров порядочный запас.
Все, понятно, были рады
При разгаре летней страды
Пособить недели две
Краснознаменца вдове.
Коль нести такое бремя,
Незаметно мчится время,
Не пора ли из ребят
Сельский выстроить отряд.
Перед публикой почетной
Вечер дан детьми отчетный,
Все нашли, что пионер
Для всего села пример.

6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лето быстро промелькнуло,
Вот и осень заглянула.
По домам из лагерей
Развозить пора детей.
Приумолкли разговоры,
Начались в дорогу сборы.
Тут, приняв серьезный вид,
Им вожатый говорит:
Эй, друзья, глядите в оба—
Надо браться за учебу,
В школе выставить форпост —
С Комсомолом прочный мост.
Год с тех пор минул, прощаясь
Как с прогулки возвращаясь,
Ненароком, наш отряд
Подобрал двоих ребят
Беспризорных и безродных,
Деток улицы голодных,
Тут же клятву дав при них
Сделать гражданами их.
Как исполнена отрядом
Клятва, данная с парадом?
Как использовать они
Ухитрились эти дни?...
Вот, надеждами богатый—
Ручеек—звена вожатый,
А Вострушка—вот она
Гордость девочек звена.
Нет, недаром пионеры
Так полны упрямой веры,
Так серьезно сознают
То, что значит их салют.
Над пятью частями света
Знамя братского Совета
Пионер поднять готов,
Не боится он оков.
Он готов погибнуть смело
За свое святое дело,
За судьбу крестьянских масс,
За родной рабочий класс.
Нет, не будет тот за флагом
Кто стальным ступая шагом
Ставит выше личных дел
Революции удел.